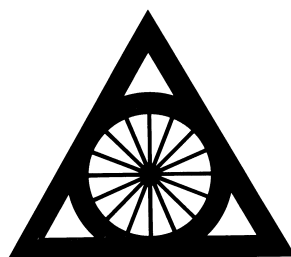

И. А. Е ф р е м о в

ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА РАДОСТЬ

МОСКВА – 2020 г.

*Настоящая публикация подготовлена к печати Йогом Раманантатой.
В издании сохранены характерные особенности
авторской орфографии, пунктуации и стиля.*

Ефремов, Иван Антонович
ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА РАДОСТЬ

Иван Антонович Ефремов (1908 – 1972 гг.) – крупнейший русский писатель, классик жанра научной фантастики, учёный-геолог, палеонтолог, эстет и гуманист.

Книга представляет собой квинтэссенцию мыслей, чувств и чаяний этого Человека Большой Души, собранных со страниц всех его художественных произведений и большей части публицистики.

© Общий замысел и концепция, подбор материала, составление, композиция и секвенция афоризмов, сентенций и рефлексий, редакция:
Йог Раманантата, 2020 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Чтение Первое ПОДЛИННОЕ СЧАСТЬЕ – ДВИЖЕНИЕ, ИЗМЕНЕНИЕ, ПЕРЕМЕНЫ	7
Чтение Второе СМЕЛАЯ МЕЧТА – ЭТО ПОБЕДА!	11
Чтение Третье МЁРТВЫЕ ДУШОЙ МЕШАЮТ ЖИТЬ ЖИВЫМ	14
Чтение Четвёртое НЕНАВИСТЬ К ЗНАНИЮ И КРАСОТЕ	17
Чтение Пятое ЧУВСТВО НЕОБХОДИМОСТИ ЖЕРТВЫ – САМОЕ АРХАИЧНОЕ В ЧЕЛОВЕКЕ	23
Чтение Шестое ГДЕ ПОДАВЛЕНА ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ, ТАМ НЕ ОБЩЕСТВО, А СТАДО	28
Чтение Седьмое ЧЬИ ЗНАНИЯ ШИРОКИ И КТО БЕСКОРЫСТЕН, ТОТ ПОНАСТОЯЩЕМУ БОГАТ	32
Чтение Восьмое МАЛО ЛЮБВИ И ДОБРА В НАШЕМ МИРЕ!	36
Чтение Девятое ТЕРПЕЛИВОЕ СТРЕМЛЕНИЕ ТРЕНИРУЕТ НАШУ ЧУТКОСТЬ	39
Чтение Десятое ПУТЬ У ТОГО, КТО НЕ СТОИТ НА МЕСТЕ, А ИДЁТ ВПЕРЁД	42
Чтение Одиннадцатое ЗНАНИЕ СЛИВАЕТСЯ С НЕПОВТОРИМЫМ МАСТЕРСТВОМ	45
Чтение Двенадцатое ПОДВИГ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ И ВОСХОЖДЕНИЯ	48
Чтение Тринадцатое НАГРОМОЖДЕНИЯ ЛЖИ – АРХИТЕКТУРА ОБРЕЧЁННЫХ	51

Чтение Четырнадцатое НЕОБЫЧНЫЕ ИНТЕРЕСЫ – ОБЫЧНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ НЕОБЫЧНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ	55
Чтение Пятнадцатое БЕССМЫСЛЕННАЯ РАБОТА ВЫЗВАНА СВОЕЙ ИЛИ ЧУЖОЙ НЕБРЕЖНОСТЬЮ	59
Чтение Шестнадцатое НАЙТИ ВЕРНОЕ РЕШЕНИЕ	61
Чтение Семнадцатое СВЕДЁТСЯ ЛИ МОГУЩЕСТВО НАУКИ К ДОБРУ ИЛИ КО ЗЛУ – ЗАВИСИТ ТОЛЬКО ОТ НАС	66
Чтение Восемнадцатое ВЕЛИКИЙ ПОДВИГ ИСКУССТВА И ХУДОЖНИКА	70
Чтение Деятнадцатое ДЫХАНИЕ БЕЗБРЕЖНОГО ОКЕАНА ВЕЧНОСТИ	73
Чтение Двадцатое КАК ВАЖНО ПОНЯТЬ ЗАКОНЫ ПРЕКРАСНОГО!	77
Чтение Двадцать Первое КРАСОТА ВСЕСТОРОННЯ, КРАСОТА – СОВЕРШЕНСТВО	81
Чтение Двадцать Второе КРАСОТА – РЫЧАГ ВОЗВЫШЕНИЯ ДУШИ	85
Чтение Двадцать Третье СВЯЩЕННЫЙ ОГОНЬ ЛЮБВИ	90
Чтение Двадцать Четвёртое МУЗЫКА И СЛОВО – ДВА КРЫЛА ДУШИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ	94
Чтение Двадцать Пятое СОХРАНИМ РАДОСТЬ!	99
Чтение Двадцать Шестое МНОГО СИДЕТЬ – МАЛО ЖИТЬ	102
Чтение Двадцать Седьмое НАУЧИТЬСЯ БЫТЬ ХОЗЯИНОМ СВОЕГО ТЕЛА	107
Чтение Двадцать Восьмое ДЕТСТВО И ЗРЕЛОСТЬ, ЮНОСТЬ И СТАРОСТЬ	111

Чтение Двадцать Девятое	
ВРЕМЯ ЧЕЛОВЕКА ВЕДЁТ К СВОБОДЕ	114
Чтение Тридцатое	
ВЫСШИЙ МИР НЕ НАВЕРХУ, А РЯДОМ	117

Чтение Первое

ПОДЛИННОЕ СЧАСТЬЕ – ДВИЖЕНИЕ, ИЗМЕНЕНИЕ, ПЕРЕМЕНЫ

Прошлое! Вот в чём разгадка всей печали. Что-то было создано для важных дел, но значение их давно умерло, и нелепы попытки возродить прошлое. (1)

Всё хорошо, что соответствует времени. Вот только бывает, что «современность» оказывается фальшивой, нередко это возвращение вспять, к тому, что уже было, и далеко не лучшему. (2)

Помните всегда, что настоящего, по существу, нет, есть только процесс перехода будущего в прошлое. Процесс этот нельзя задерживать, тем более останавливать. (3)

Какое страшное слово «никогда» и как трудно с ним примириться! Оно непереносимо, и я убеждён, что всегда было так. С тех пор как человек стал памятью воскрешать прошлое и воображением заглядывать в будущее. А мир построен так, что «никогда» повторяется в каждый миг жизни, пожалуй, это единственное неотвратно повторяющееся. Может быть, настоящему человек только тот, кто нашёл в себе силу совместить глубокое чувство и это беспощадное «никогда». (4)

В каждом из нас две половинки: одна рвётся к новому, другая бережёт прежнее и рада вернуться к нему. Вы знаете это и знаете, что никогда возвращение не достигает цели. Но сожаление остаётся... как венок на дорогой могиле. (5)

Бесконечно разнообразны жизнь и люди. Владей силой не подчиняться слепо ни людям, ни любви, ни обманным словам лживых речей и писаний! Не бойся и неразделённой любви. Она только укрепит твой путь, возбуждая скрытые силы. (6)

Смотреть на жизнь как бы из дали времён, опираясь на мужество предков, их поиски прекрасного и жажду яркой жизни. Это даёт возможность легче видеть ложь и ошибки, среди которых живёшь. Их не понять без взгляда на прошлое. (7)

Если человек верит в бесконечную длительность своего обитания на земле, то не мудрено, что его интересуют и события отдалённого будущего. (8)

Напрасно опасаться будущего. В каждом этапе своей истории человечество в чём-то возвращается назад, несмотря на общее восхождение по закону спирального развития. Каждое столетие имеет свои неповторимые особенности и вместе с тем общие всем черты. (9)

Люди не отдельные искорки, летящие во тьму и угасающие без следа, но звенья в бесконечной цепи, протянутой из прошлого в необозримое будущее. (10)

Самое трудное в жизни – это сам человек, потому что он вышел из дикой природы не предназначенным к той жизни, какую он должен вести по силе своей мысли и благородству чувств. (11)

Только знание жизни настоящую цену даёт человеку и широкий простор в ней открывает. (12)

Двойственность жизни всегда ставила перед людьми свои противоречия. (13)

Вся жизнь состоит из притяжения и отталкивания, ритма взрывов и накоплений, возбуждения и торможения. (14)

Сознание бесконечности пространства с его недостижимыми границами и неисчислимыми, ещё не открытыми человеком мирами – один из очень важных психологических устоев творческой жизни. (15)

Человек наблюдает незнакомую жизнь, и она всегда кажется почему-то тёплой, красивой, чего, наверно, нет на самом деле. (16)

Приятно размышление о чужой жизни: восхитительное право неучастия в ней всегда ставит зоркого странника на какую-то высшую в сравнении с окружающими людьми ступень. (17)

Лица людей издалека всегда красивы, а чужая жизнь, увиденная со стороны, представляется интересной и значительной. (18)

Светлые жилки должны быть у каждого; без них и жить-то вроде принудительно. Не ты своей жизни хозяин, а она тебя заседляет и гнёт, куда захочет. (19)

Без интереса, без заветных дум человеку жить – будто скоту неосмысленному. (20)

Коротка жизнь! Пока соберёшь крохи знания и увидишь, как надо жить, уже не сможешь идти дальше. (21)

Жизнь становится неприятной от бессмысленных ограничений, глупейшего самодовольства и рассеянного вокруг страха. (22)

Плохо, когда человек одержим исканиями – тогда любовь не излечит его от вечной тоски. (23)

Счастье не ищут, как золото или выигрыш. Его создают сами, те, у кого хватает сил, знания и любви. (24)

Не даст человеку счастья стремление достигнуть того, чего никто не сумел ещё сделать. (25)

Если перекладывать бремя ответственности с себя на судьбу, то появляется привычка принимать всё, что случается, не ощущая вины за что-либо перед самим собой. (26)

Живём мы ещё в далеко не устроенном мире, ещё сильна всяческая дрянь, и поэтому любая распрекрасная вещь может быть использована во вред. (27)

Прошрое неоправимо, его можно лишь забыть, понять, но слова о прощении здесь лишь пустой звук, ибо над кармой не властны даже высшие боги, и что вошло в мировой механизм судьбы и воздаяния, не может быть вынуто оттуда. (28)

Ничто не продолжается вечно в этом изменчивом мире. (29)

Нельзя полностью приспособлять человека к окружающим условиям, потому что эти условия непрерывно меняются. (30)

Всех нас меняют, лепят поиную, оставляя лишь основу, время и опыт, да ещё собственное старание — падение или совершенствование. (31)

Подлинное счастье — движение, изменение, перемены. И всё же не так просто! Человеческая натура двойственна, как окружающий и создавший её мир. Наряду со стремлением к вечным переменам нам всегда жаль прошлого, вернее, того хорошего в нём, что отфильтровывается памятью и что прежде выросло в представления о минувших золотых веках. (32)

Иногда люди не понимают момента удачи, потому что забывают о непреложности законов развития. Им кажется, что строение должно подниматься без конца. Мудрость руководителя заключается в том, чтобы своевременно осознать высшую для настоящего момента ступень, остановиться и подождать или изменить путь. (33)

Высшее счастье человека всегда на краю его сил. (34)

Мечты о тихой бездеятельности рая не оправдались историей, ибо они противны природе человека-борца. Были и остались свои трудности для каждой эпохи, но счастьем для всего человечества стало неуклонное и быстрое восхождение к всё большей высоте знания и чувств, науки и искусства. (35)

Всё, что складывается исторически, в результате естественного отбора, становится закономерностью, неким средним из множества отклонений. Тут-то выступает во всей красоте всесторонняя целесообразность. (36)

Без цели не может быть осмысленной борьбы. (37)

Отдайте себе только ясный отчёт в том, что вы ищите, и вы будете знать, где искать, и найдёте! (38)

Чтение Второе

СМЕЛАЯ МЕЧТА – ЭТО ПОБЕДА!

Всё должно иметь цель и смысл. Данная жизнь нужна тем, кто духовно богаче, кто может много дать людям, а если этого нет, тогда зачем? (39)

Испытание покажет тебе путь, который ты не видишь. (40)

Твоя дорога ведёт в мир людей, прекрасный и страдающий, светлый и тёмный, радостный и несчастный. Служи ему силой таланта, бескорыстно и беззаветно, не давая властвовать над собой злобе, зависти и жадности, но помни, что слепая доброта может причинить немало плохого. Знай, кому и зачем ты делаешь добро! (41)

Помни о порогах. Никогда не переступай их, ни порога бессмысленности, ни познания, которое превращается в тупое нагромождение фактов, ни других порогов, которые мы часто переступаем в обычной жизни, гонясь за дешёвкой, едой, пошлым удовольствием смеха, бесполезной умственной игры и так далее. Особенно следует опасаться порога низкой чувственности. (42)

Не забывай никогда закона двойственности, всесильного в этом мире, помни о смятениях чувств, плутающих между животным телом и человеческой душой! (43)

Ты должен идти в мир не только как творец, но и воин. (44)

Всякий прямой путь труден и опасен. Погрузившись в чувства, развивая и утоньшая их до крайней остроты, надо остаться господином над ними. Иначе безумие, разложение и развал души. Надо пройти по лезвию меча над пропастью, наполненной грозными призраками! (45)

Человек – та же вселенная, глубокая, таинственная, неисчерпаемая. (46)

Человек – это не только сумма знаний, но и сложнейшая архитектура чувств. (47)

Никогда не старайтесь представить свои чувства в шутиливом тоне, это не поможет от них избавиться, а только обесценит их. Для других и для вас самого. А что может быть хуже, как жить по дешёвке? (48)

Быстрое торможение и приход в норму – вот что такое хорошо сбалансированная личность. Можно только завидовать такому характеру. (49)

Хорошо, что на свете имеются люди высокой и мечтательной души! (50)

Смелая мечта, а не скептическое разочарование побеждает в жизни! (51)

Мечта умного и сильного человека – это ведь уже очень много. (52)

Лучше сто раз ошибиться, поверив в благородную сказку, чем отвергать всё, стараясь быть умнее сердца! (53)

Человек сегодняшнего дня вынужден скрывать свои мечты, свои чувства от окружающей злобы, закалять их, выращивать неколебимыми, полными невероятной силы. (54)

Люди стесняются проявления нежности, любви и уважения, в то же время давая полную волю ругани, осмеянию и даже дракам. (55)

Сейчас вообще принято обвинять друг друга, искать виновных, грозить карами. Мы всё время осуждаем. А по-моему, куда интереснее стараться понять, а не осудить. Понять, что во всяком человеке есть слабости, гармонирующие с его сильными сторонами. (56)

Нелегко среди чужих людей и обычаев определить, что хорошо и что плохо. (57)

Если принять чужое как своё близкое, тогда всё станет понятным. Можно и в далёкой стране чувствовать себя своим и быть чужим среди кровных родственников. (58)

Нужно учиться чувствовать психологическую атмосферу, окружающую каждого человека, и по ней судить о его мыслях и чувствах. (59)

Психологические комплексы униженности и неверия в себя порождают агрессивное стремление выделиться любой ценой. (60)

За обидчивостью кроется сознание собственной неполноценности, за сентиментальностью – жестокость. (61)

Догадливые люди опасны. (62)

Надо быть опытным жуликом, чтобы вести те или иные дела, а для обычного человека единственное оружие – осторожность! (63)

Все мелкие люди, считающиеся себя проницательными, думают прочесть в другом собственные мысли и скрытые чувства. (64)

Как тонко и тщательно надо нам следить за каждым душевным движением, если мы хотим быть людьми высшей формы общества. Давить и корчевать эгоистическую обезьяну! Бейте её, кто верует в будущее! (65)

Человек заносчивый, убогий сердцем и умом, – мёртв. Мёртв не физически, но душой, и по земле ходит лишь его внешний образ, а по существу – труп. Ты вряд ли имеешь понятие, сколько таких живых мертвецов топчут лик Земли. Они лишены совести, чести, достоинства и добра – всего, что составляет основу души человека и что стремятся пробудить, усилить, воспитать художники, философы, поэты. Эти трупы мешают жить живым, внешне не отличаясь от них. Они ненасытны в пустых и самых простых желаниях: еде, питье, жёнах, власти над другими. И добиваются этого всеми способами. Их, конечно, следовало бы убивать, лишая фальшивого живого облика. Беда в том, что распознавать их могут лишь редкие люди, достигшие такой высоты сердца, что убивать уже не в силах. (66)

Чтение Третье

МЁРТВЫЕ ДУШОЙ МЕШАЮТ ЖИТЬ ЖИВЫМ

Сперва – о других, потом – о себе. И мы улыбаемся всем встречным, а они, наоборот, заносчивым видом скрывают боязнь насмешки или оскорбления. Их грубость всё время выдаёт низкий психический уровень жизни в страхе. (67)

Разве можно понять действия, происходящие вследствие чудовищного эгоизма: грубость в общении, небрежность в работе и речи, стремление отравить и без того горькую жизнь ближнего? Водители неуклюжих транспортных машин считают, например, доблестью проноситься по улицам в ночное время с шумом и грохотом. И тут принцип бесчеловечного удешевления превращает эти машины в смрадных чудовищ, извергающих дымную отраву и терзающих слух. (68)

Массовое применение механизмов в руках невоспитанных и озлобленных людей создаёт повышенную опасность. (69)

Большинство людей умственного труда ненавидит шум, толчею, скопление народа. (70)

Всё понимаю, но как быть? Живёшь среди людей, таких разных и по большей части худо воспитанных. (71)

Хорошо, когда зависишь от себя, своего здоровья, смекалки и крепости, и беда, когда попадаешь в зависимость от другого человека, да ещё нередко плохого. Чорт его знает, случайность это или закономерность, что там, где надо иметь дело с людьми, с их нуждами и заботами, там сплошь и рядом попадают как раз дряньюлюдишки. (72)

Я частица нашего общества и страдаю, если в нём ещё не всё идёт как надо. Это касается меня непосредственно: ведь я живу в этом обществе, и ни в каком другом жить мне не придётся. (73)

Мне надоели люди, считающие, что они всё уже сделали для семьи, государства и себя. Часто это скрытые бездельники. (74)

К чорту подарки! Хороший обычай, когда в гостях у кого-то собираются люди рассказывать новости науки и искусства. А распространившаяся в последнее время традиция таскаться друг к другу с подарками по любому пустячному поводу – это попросту дикость. Тебе приносят бесполезные вещи, и ты должен носиться по магазинам, как угорелый, стараясь найти подарок пооригинальнее. А ничего оригинального-то в этом нет. Персидские нравы, которые кто-то удумал возродить на нашей почве. (75)

Стремление забывать неприятное свойственно всем людям. (76)

Трудно разгадать истинные намерения, когда не знаешь побудительные причины. (77)

Всегда держись середины, оглядываясь на края. (78)

Всегда умнее выждать, чем забегать вперёд. Но выждать подготовленным ко всему. (79)

Незабвенно великое прошлое, но жить только прошлым нельзя. (80)

Человек должен знать о прошлом, искать в нём силу. Это даёт ему убеждения и идеи, несовместимые с подчинением власти. (81)

Человек вне народа, вне общества – пустая абстракция. Народ вне человечества тоже абстракция. (82)

Разные народы, разбросанные по просторам земли, по существу являются одной человеческой семьёй, разъединённой только трудностями путей, разными языками и верованиями. Лучшие люди во всём этом множестве оказываются всегда похожими и понятными тебе по своим стремлениям. (83)

Улучшать условия жизни, совершенствовать устройство общества невозможно без непрерывного накопления людьми знаний о себе самих и об окружающей их природе. Человеческие знания, накопленные вековым опытом и научными исследованиями, могут и должны быть поставлены на службу человеку. (84)

Ничего нет жалче и страшнее детей с больной наследственностью. Сердце надрывается глядеть. Вот почему так заботились наши предки о правильном подборе брачующихся пар! (85)

Величайшее благодеяние – уничтожение детской смертности – оборачивается бедствием, наградив человечество множеством психически неполноценных, полных кретинизма или физически дефективных от рождения людей. (86)

Самые молящие в мире глаза – глаза матери больного ребёнка. (87)

Рождаемость ничем не ограничивается во имя конкуренции народов, военного преобладания одной нации над другой. (88)

Людям вовсе не важно знать, что их дети будут здоровы, умны, сильны, что их ждёт достойная жизнь. Они подчиняются минутному желанию, вовсе не думая о последствиях, о том, что они бросают в нищий, нестроенный мир новую жизнь, отдавая её в рабство, обрекая на безвременную смерть. Неужели можно ожидать, что ребёнок родится великим человеком, зная, что такая вероятность ничтожно мала? Разве можно так легкомысленно относиться к самому важному, самому святому? (89)

Нельзя простить даже одной-единственной искалеченной жизни. Незримая цепь протягивается между многими людми, связывая их поступки и их судьбы, и каждый пустячный случай может иметь далёкие последствия. (90)

Важнейшее психологическое обстоятельство инфернальных эпох – отсутствие выбора. Точнее, выбор настолько осложнён общественным нестройством, что всякая попытка преодоления обстоятельств вырастает в морально-психологический кризис или в серьёзную физическую опасность. (91)

Нас несёт поток странной жизни, в которой все будто сговорились вредить себе и другим, создавать горе и беды везде, даже там, где нет причины для несчастий. (92)

Чтение Четвёртое

НЕНАВИСТЬ К ЗНАНИЮ И КРАСОТЕ

Жизнь проста лишь в сказках. Для мыслящего человека извечно единственным выходом было познание необходимости и победа над ней, разрушение инферно. Другой путь может быть только через истребление мысли, избиение разумных до полного превращения человека в скота. Выбор: или вниз – в рабство, или вверх – в неустанный труд творчества и познания. (93)

Народ всегда надеется на большие перемены в своей судьбе, долженствующие по мановению нового царя изменить печальную жизнь. Испокон веков народ надеется на лучшее и не понимает, что ход истории медлителен и тяжок. Ничего для этих ныне живущих людей измениться к лучшему не может. Только военные беды, погромы, пожары и наводнения вторгаются в неизменно бесцветное существование людских толп с ошеломляющей внезапностью. Опыт истории существует только для мудрецов. (94)

Люди – всего лишь эфемерные обитатели Земли и ходят по зыбкой почве, под которой гнездятся, зреют и готовятся к ужасным потрясениям невидимые стихии. (95)

Законы получаются из жизненной необходимости. (96)

Закон так трудно сделать справедливым на лезвии бритвы, что для этого нужны величайшие усилия лучших умов. А всё потому, что в ходе времени плохое часто обёртывается хорошим, а хорошее становится плохим. Это диалектика жизни как процесса, перед которым оказалась бессильной религия с её попыткой установить вечные истины и вечные требования к человеку. (97)

Надо изучать реальную жизнь и успехи и ошибки человечества, строящего эту жизнь. Только недавно началось равноправие истории Запада и Востока, но и теперь ещё ничтожные события Европы мы знаем лучше великих исторических перемен Востока. (98)

Индийцы теперь страдают от последствий английского владычества. Оно принесло им западную науку и технику, но вместе с тем отравило и западным отношением к жизни и искусству – такое отношение индеец может считать ядом. Уметь видеть, но не пытаться сложить из виденного целое, превратить в реальность, заставить поверить в него силой труда и таланта. Наоборот, такой подход старается рассыпать целое на крохи. Разбить вазу, чтобы любоваться причудливой формой черепка. Выбрать из живой игры светотени изображения две-три черты, пару красочных пятен и назвать это именем целого, заменяя мудрость собирателя красоты умением анатома. Это неизбежная расплата за разрыв с природой, с её изменчивой игрой форм. В этом старании обязательно разбить, разломать, разобрать целое мне чудится обезьянья черта наивного исследования, свойственная всем нам в раннем детстве! (99)

Самое поразительное в истории человечества – это возникновение неугасимой ненависти к знанию и красоте, обязательное в злобных невеждах. (100)

Нет хуже преступления, чем поднять руку на созданное человеком прекрасное. Разве может красота служить злой власти? Разве есть красота без добра и света? (101)

Прекрасное служит опорой души народа. Сломив его, разбив, разметаив, ломают устои, заставляющие людей биться и отдавать за родину жизни. На изгаженном, вытоптанном месте не вырастет любви к своему народу, своему прошлому, воинского мужества и гражданской доблести. Забыв о своём славном прошлом, народ обращается в толпу оборванцев, жаждущих лишь набить брюхо. (102)

Нравственность народа, его воспитание в достоинстве и уважении к предкам, труду и красоте важнее всего для судьбы людей и государства. Важнее одетых в броню воинов, танков, самолётов, ракет и боевых кораблей. Всё это рушится, когда падает нравственность и воспитание народа. Маленькие и большие люди пускаются в пьянство и дикие развлечения. В вине тонет вера, честь и достоинство, пропадает любовь к отечеству и традициям своих предков. (103)

Главное, на чём стоит человек, – это не оружие, не война, а нравственность, законы поведения среди других людей и всего народа. (104)

Создайте справедливые законы – законы не для охраны власти, собственности или привилегий, а для соблюдения чести, достоинства и для умножения духовного богатства каждого человека. (105)

Чем ниже падает нравственность и достоинство в народе, тем сильнее старается он доказывать своё превосходство над другими, унижая их. (106)

Нельзя надеяться на доброту и гуманизм, скорее надо ждать бесчеловечного исполнения законов, направленных на сохранение собственности, как бы она там ни называлась: государственной, национальной или личной. (107)

Везде и всегда одно и то же: какие-то господствующие классы, группы, слои, как их там ни называйте, захватывают право подавлять мнения и желания всех остальных, навязывать им под видом законов и политических программ низкий уровень жизни, чинить любой произвол. (108)

Страшнее, чем научное незнание или неверная методика, – косность, упорство в защите тех форм общественного устройства, которые совершенно очевидно не оправдали себя даже в глазах современников. В основе этой косности, за исключением менее частых случаев простого невежества, лежит, конечно, личная заинтересованность в сохранении того общественного строя, при котором этим защитникам живётся лучше, чем большинству людей. А если так, то что за дело им до человечества, до судьбы всей планеты, её энергетических запасов, здоровья её обитателей! (109)

Привилегированная группа тормозит общее развитие, стараясь, чтобы для неё оставалось всё попрежнему, а униженная часть общества ведёт борьбу против этого торможения и за собственные привилегии. Чем сильнее давление привилегированной группы, тем сильнее становится сопротивление, жёстче формы борьбы, развивается обоюдная жестокость, и, следовательно, деградирует моральное состояние людей. (110)

Олигархия властвует лишь ради своих привилегий. Существо этой формы правления в неравенстве распределения, не обусловленном ни собственностью на средства производства, ни количеством и качеством труда. В то же время во главе всего стоит частный вопрос личного успеха, ради которого люди готовы на всё, не заботясь об обществе и будущем. Всё продаётся, дело только в цене. (111)

Бесполезно верить, будто слова могут изменить развитие общества и ход истории. Но так именно поступают те, кто издают декреты и приказы. Они воображают, будто они тем воздействуют на людей, но это не так. Более того, любое насилие обязательно порождает контрсилу, которая неумолимо будет развиваться и проявится не сразу, но неизбежно и подчас с неожиданной стороны. (112)

Когда объявляют себя единственно – и во всех случаях – правым, это автоматически влечёт за собой истребление всех открыто инакомыслящих, т.е. наиболее интеллигентной части народа. (113)

Фанатик или одержимый собственным величием психопат без колебания и совести вмешивается во всё. В индивидуальные судьбы, в исторические пути народов, убивая направо и налево во имя своей идеи, которая в огромном большинстве случаев оказывается порождением недалёкого ума и больной воли параноика. (114)

Цари пользуются любым поводом, чтобы подчеркнуть своё величие. Им кажется, что, всячески унижая народ, они возвышаются сами, возрастает их влияние. (115)

Чтобы человек мог взять на себя тяжкую обязанность кары, он должен обладать божественной точностью прицела. Только самое высокое сознание, подкреплённое мудрым учителем, поможет избежать того, что всегда получается при насилии. Рубят здоровое дерево, оставляя гнилушку, убивают драгоценные ростки будущих героев, способствуя процветанию людских сорняков. (116)

Царь должен соблюдать обычаи ещё строже, чем последний из его подданных, ибо как же иначе вселить в людей уважение к закону и чувство меры? (117)

Стремление владычествовать, возвышаться над другими, повелевать людьми – один из самых примитивных инстинктов, наиболее ярко выраженный у самцов павианов. Эмоционально это самый низкий и тёмный уровень чувств! (118)

Комплекс обиды и мести неизбежен для всякого, пробившегося к власти. (119)

Именно параноики с их бешеной энергией и фанатической убеждённости в своей правоте становятся политическими и религиозными вождями. В результате в среде физически более слабых резко увеличивается число людей с маниакально-депрессивной психикой, основой жизни которых становится страх: страх перед наказанием, дамоклов меч хронической боязни – как бы и каким-либо образом не ошибиться и не совершить наказуемый поступок. (120)

Такая система как продвижение людей в обществе, основанное на чинах и званиях, автоматически и неизбежно порождает некомпетентность на всех уровнях иерархии. (121)

Боязнь ответственности лишает людей инициативы. Боязнь любого риска и подыскивание оправданий на все случаи жизни едва ли не главное в работе чиновников и всех встроженных в «вертикаль власти». (123)

Любой мелкий начальник – обычно скверный человек, и какая-либо зависимость от него – чувство гнетущее и удручающее. (124)

Подумайте над вашим понятием свободы, и вы поймёте, что она состоит в правах на низкие поступки. (125)

Нелюди – это существа внешне в человеческом образе, но с душой, полностью разрушенной специальной подготовкой. Они сделают всё, что им прикажут, не думая и не ощущая ничего. (126)

Властитель чувствует вокруг себя ту безнадежную пустоту, которая неизбежно образуется, когда из окружения устраняют или отстраняют порядочных людей, всегда несогласных с несправедливостью. Неумолимо идёт процесс замены их ничтожествами и невеждами, готовыми восхвалять любые поступки владыки. Советники, охрана – всё это человеческая дрянь. Верность

их обеспечивается лишь подачками и привилегиями. Настоящих же друзей нет, нет душевной опоры ни в ком, и всё чаще подступает страх перед возможным заговором. (127)

Чтение Пятое

ЧУВСТВО НЕОБХОДИМОСТИ ЖЕРТВЫ – САМОЕ АРХАИЧНОЕ В ЧЕЛОВЕКЕ

Ещё не бывало, чтобы великий гений, полководец, владыка, какому бы народу он ни принадлежал, принёс бы счастье людям! Чем более он велик, тем больше беды. Люди обычные повинуются тысячелетним законам, выросшим из здорового опыта поколений. Они связаны необходимостью жизни, верой и службой богам и власти. Великий человек ставит себя превыше всего общечеловеческого, разрушая устои бытия, и совершает вечную ошибку, сводящую на нет его деяния и низвергающую в бездну тьмы. Богоравные люди только тогда приносят счастье, когда они не имеют власти: философы, врачи, поэты или художники. (128)

Успехи науки показывают, что она становится единственной реальной силой в судьбе человечества. Однако учёные неорганизованны и наивны. Власть находится в руках политиков, берущихся управлять не умея и потому громоздящих пирамиды ошибок и нелепостей. Усложняющаяся жизнь всего мира настойчиво требует прочности всех без исключения звеньев, чего политики достигнуть не могут. В результате ткань общественного устройства постоянно рвётся. Люди становятся беззащитными жертвами неумелого и устарелого политического управления. Стремясь обеспечить устойчивость власти, политики организуют последовательную иерархию привилегий, очень похожую на иерархию бандитских шайк, замкнуто сужающих свои круги со всё большими привилегиями для олигархической вершины. (129)

Человек с увеличением населения всё больше теряет свою индивидуальную ценность. Всё труднее становится ему пробиться наверх, через заборы и фильтры последовательной иерархии, в чём бы она ни выражалась. Справедливость существует только на очень узкой тропинке, по которой надлежит идти обычному человеку. Кругом беззаконие, и любой преступник чувствует себя увереннее и сильнее. (130)

Злые силы действуют тайно. Недоброе всегда секретно. (131)

Человек умный не может не понимать, что когда в дело вмешивается организованная сила, то одиночке надо отходить в сторону. И поручать дело другой организации, не менее могущественной. (132)

Природа, несмотря на неотступную жестокость процесса эволюции, всё же оказывается более гуманной, чем человек. Человек, изобретший тонкие, глубоко проникающие внутрь орудия – стрелы, копья, пули, – резко увеличил число мучений на земле, отбросив боевую тактику хищного зверя, основанную на шоке первого удара, разрыве больших сосудов и безболезненной смерти от потери крови. Жертвы человека стали погибать в ужасных мучениях от глубоких внутренних воспалений. А когда психически неполноценные докатились до садизма, они создали адскую технику мучений, немедленно использованную в политических и военных целях. (133)

Палачи вначале крушат человека физически. Вторая ступень – психическая ломка. (134)

Никто не может устоять. То, что рассказывается в легендах о несибиаемых людях, – или ложь, или свидетельство недостаточного умения палачей. Есть люди высочайшего героизма, но, если применить к ним достаточно длительные и достаточно сильные пытки, они также сломаются, превратятся из человека в забитое, полумёртвое животное, исполняющее в полусне приказы. (135)

Чувство необходимости жертвы – самое архаическое в человеке, проходящее через все религии в истории обществ. Умилостивить неведомую силу, смягчить божество, придать долговечность хрупкой судьбе. От закалывания людей на алтарях перед боем, охотой, для урожая или основания построек, от колоссальных гекатомб вождей, царей, фараонов до невообразимых избиений во имя бредовых политических и религиозных идей, национальной розни. (136)

Разумеется, управлять тёмной и плоской психикой, знающей лишь примитивнейшие потребности, не видящей путей ни к чему иному, проще, нежели психикой более высокого плана. Отсюда и стремление власти удерживать людей на самом низком уровне духовного развития. (137)

Легко срывается покров дисциплины и общественной культуры – всего одно-два поколения плохой жизни. (138)

Чем сложнее общество, тем большая в нём должна быть дисциплина, но дисциплина сознательная, следовательно, необходимы всё большее и большее развитие личности, её многогранность. Однако при отсутствии самоограничения нарушается внутренняя гармония между индивидом и внешним миром, когда он выходит из рамок соответствия своим возможностям и, пытаясь забраться выше, получает комплекс неполноценности и срывается в изуверство и ханжество. (139)

Уголовник почему на преступление идёт? Да потому, что хочет хватануть куда как больше, чем ему по труду, да по риску, да и по соображению полагается. Человечишко самый негодный, а туда же: хочу того да сего. (140)

Десятки миллиардов жертв невежества и упорства – обычная расплата за цивилизацию, лишённую мудрости. Допустить обычное слепое переполнение экологической ниши, как у любого вида животных?! Печальный и позорный результат для *хомо сапиенс* – человека мудрого. (141)

На обедневшей планете средства духовной ломки несложны: террор и голод плюс полный произвол в образовании и воспитании. Духовные ценности – знание и искусства, тысячелетиями накопленные народами, изымаются из обращения. Вместо них внушается погоня за мнимыми ценностями, за вещами, которые становятся всё хуже по мере разрушения экономики, неизбежного при упадке морально-психического качества людей. (142)

Если представить себе человечество в виде пирамиды, то чем выше она, тем острее – и малочисленней – верхушка, состоящая из активной части людей, шире основание. Если раньше отдельная личность была многогранна и крепка, то с ростом пирамиды, с потерей интереса к жизни она становится слабее и неспособнее. (143)

Неудобства жизни вызывают миллионы ненужных столкновений между людьми, где каждый по-своему прав, а виновато общественное устройство, заставляющее людей барахтаться в повседневных неприятностях, для устранения которых ничего не делается. (144)

Стрела Аримана – это тенденция плохо устроенного общества с морально тяжёлой ноосферой умножать зло и горе. Каждое действие, хотя бы внешне гуманное, оборачивается бедствием для отдельных людей, целых групп и всего человечества. Идея, провозглашающая добро, имеет тенденцию по мере исполнения нести с собой всё больше плохого и в конце концов становится вредоносной. (145)

Чем ничтожнее власть имущие, тем они опаснее. (146)

Вы не представляете, сколько накопилось у нас человеческой дряни за много веков истребления лучших людей, когда преимущественно выживали мелкодушные приспособленцы, доносчики, палачи, угнетатели! (147)

Мужество и отвага заслуживают, со стороны победителя, хотя бы уважения. Ведь мужество живёт в лучших людях. Как же можно убивать мужественных и отважных, оставляя жить лишь слабых душой и телом? Ни один хороший хозяин-скотовод не поступит так с животными, не то что с людьми. (148)

Никакие условия, мольбы и договоры с бандитами невозможны. (149)

Безмотивное преступление практически невозможно разгадать. (150)

Закон карает лишь после совершившегося. Иначе нельзя, это верно, и всё же такое устройство мира даёт все преимущества нападающему, как тигру перед травоядным. (151)

Поистине чудовищна нелепость законов, по которым порядочный человек всегда останется без оружия, а любой бандит и вор, которому плевать на закон, делает что угодно с безоружными людьми. (152)

Оружие мало чем поможет, если не знаешь, кого и когда опасаться, потому что у наносящего первый удар всегда все преимущества, и в этом сила всякого хищника. (153)

Там, где люди сказали себе «ничего нельзя сделать», – знайте, что стрелы зла поразят всё лучшее в их жизни. (154)

Человек, в массе своей невоспитанный, недисциплинированный, не знающий путей к самоусовершенствованию, старается уйти от непонятных проблем общества и личной жизни. Отсюда становятся неизбежны наркотики, из которых наиболее распространены алкоголь, никотин, грохочущая музыка, пустые, шумные игры и массовые зрелища, нескончаемое приобретение дешёвых вещей. (155)

Чтение Шестое

ГДЕ ПОДАВЛЕНА ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ, ТАМ НЕ ОБЩЕСТВО, А СТАДО

Равная жизнь у слабых получается за счёт сильных. (156)

Общество, а не стадо воспитало человека. Человек был групповым, но не стадным животным. А толпа – стадо, она не может накопить и сохранить информацию. Преступно лишать людей знаний, правды; омерзительная ложь привела человека к полной деградации. Руководимые лишь простейшими инстинктами, подобные люди сбиваются в стадо, где главное развлечение – садистские удовольствия. И перестроить их психику, непосредственно обращаясь к человеческим чувствам, нельзя. (157)

Покорные толпы – опора олигархии. (158)

Если человека крепко бить, он сделает всё, что покажется немислимым его потомкам. Где самые большие постройки, там, значит, людей били крепче всего. (159)

Люди толпы – это люди, с которыми можно сделать всё, что угодно! Ограбить, отнять жён и возлюбленных, выгнать из удобных домов. Надо только применить старый, как мир, приём – восхвалять их. Кричите им, что они велики, прекрасны, храбры и умны, и они позволят вам всё. Но попробуйте назвать их тем, что они есть на самом деле: невеждами, глупцами, тупыми и беспомощными ублюдками, и рёв негодования заглушит любое разумное обращение к ним, хотя они живут всю жизнь в унижении куда худшем. (160)

Толпа и властитель – динамическое единство противоположностей – раздельно не существуют. И обе стороны невежественные, садистически жестокие, озлобленные друг на друга, особенно когда назревает противоречие социальной сложности и духовной нищеты. (161)

У всякой несовершенной социальной системы тенденция самоизолироваться, ограждая свою структуру от контакта с другими системами, чтобы сохранить себя. Естественно, что стремиться

сохранять несовершенное могут только привилегированные классы данной системы – угнетатели. Они прежде всего создают сегрегацию своего народа под любыми предлогами – национальными, религиозными, чтобы превратить его жизнь в замкнутый круг инферно, отделить от остального мира, чтобы общение шло только через властвующую группу. (162)

Бесчисленные преступления против народа оправдываются интересами самого народа, который на деле рассматривается как грубый материал исторического процесса. Для любой олигархии важно лишь то, чтобы этого материала было побольше, чтобы всегда существовала невежественная масса – опора единовластия и войны. (163)

Чем хуже обращаются с рабами, тем хуже они делаются, а в ответ на это звереют их владельцы. (164)

Таимая в глубине неполноценность – мать всякой жестокости. Когда приходят к власти люди с таким комплексом, они начинают сеять вокруг себя озлобление и унижение, и оно расходится подобно кругам по воде – вместо примера доблести и служения человеку. (165)

В нашей жизни любая зависимость от человека оказывается унижительной. Тот, кого просят, издевается и куражится, прежде чем исполнить свою прямую обязанность. (166)

Отношения людей между собою могут породить желание унижить другого, мучить и топить в грязи, у светлых сердец этого не бывает, но человеку толпы, битому, униженному если не в себе, то в своих предках или близких, – свойственно. (167)

Подавление индивидуальности сводит людей в человеческое стадо. (168)

Самая страшная опасность организованного общества – чем выше организация, тем сильнее делается власть общества над индивидом. И если борьба за власть ведётся наименее полезными членами общества, то это и есть обратная сторона организации. (169)

Без закона нет культуры, даже цивилизации. В условиях лжесоциализма великое противоречие личности и общества не может быть разрешено. (170)

Пусть будет место для духовных конфликтов, неудовлетворённости, желания улучшить мир. Между «я» и обществом должна оставаться грань. Если она сотрётся, то получится толпа, адаптированная масса, отстающая от прогресса тем сильнее, чем больше её адаптация. (171)

Самое прекрасное в жизни – помогать людям, и особенно когда имеешь для этого власть, силу, возможности. Может ли быть радость выше этой? (172)

Все люди однозначны на пути добра и равноправны в достижении знания. Разность людей от рождения огромна. Преодолеть её, соединить всех, так же как и преодолеть различие народов, можно только общим путём – путём знания. Но надо смотреть, что за путь объединяет народы. Горе, если он не направлен к добру, и ещё хуже, если какой-нибудь народ считает себя превыше всех остальных, избранником богов, призванным владычествовать над другими. Такой народ заставит страдать другие, испытывая всеобщую ненависть и тратя все силы на достижение целей, ничтожных перед широтой жизни. (173)

Никакой самый прекрасный храм не должен пленять тебя, если он выстроен на костях и муках тысяч рабов, никакое величие не может быть достойным, если для его достижения были убиты, умерли с голоду, потеряли свободу люди. Не только люди, но и животные, ибо их страдания тоже отягощают чашу весов судьбы. (174)

Главный яд в сердцах всех людей: идиотская спесь рода, племени и веры. (175)

Подбором новостей создаётся «определённое впечатление», а может быть, создаются и сами «новости». (176)

Только высокая мораль и душевное отношение людей друг к другу могут создать подлинное архигосударство. Задача улучшения людей – самая главная. Правителям, ввергающим людей в бесправие,

обучающим подданных только злобе и предательству, ничего не удаётся, кроме позора и беславия. (177)

Чтение Седьмое

ЧЬИ ЗНАНИЯ ШИРОКИ И КТО БЕСКОРЫСТЕН, ТОТ ПОНАСТОЯЩЕМУ БОГАТ

Для наших правнуков наши теперешние заботы и опасения покажутся скверным сном невежественного ума. Мы должны переоткрыть забытые качества в нас самих и реставрировать до её истинной красоты нашу Голубую Планету. (178)

Ресурсы любой планеты ограничены, ничего нельзя брать, не отдавая. Возвратить взятое можно путём благоустройства планеты. Иначе неизбежно сокрушение устоявшихся форм жизни, истощение накопленных за миллионы веков энергетических ресурсов, что обрекает на нищету и убожество грядущие поколения. (179)

Понимание – самое главное в человеческих отношениях. (180)

Не надо бояться. Я верю в здравый смысл и разум потому, что знаю историю и учусь понимать психологию людей. (181)

Нам нужна ясность предстоящей жизни, и если её нет, то приходит тревога. А за ней печаль. (182)

Древний символ – три обезьяны: одна заткнула уши, другая закрыла лапами глаза, третья прикрыла рот. Так, в противоположность этому символу тайны и покорного поведения, человек обязан слышать всё, видеть всё и говорить обо всём. (183)

Прежде всего нужно объединить народы собственной планеты в одну братскую семью, уничтожить неравенство, угнетение и расовые предрассудки, а потом уже уверенно идти к объединению разных миров. (184)

Человечество не может покорить космос, пока не достигнет высшей жизни, без войн, с высокой ответственностью каждого человека за всех своих собратьев! (185)

Как замыкается человеческая душа, если ломиться в неё грубо и принудительно! (186)

Где плен и насилие, там становятся шатки устои морали. Только в свободе человек понимает необходимость строгих правил жизни. (187)

Свобода возможна лишь при условии большого одиночества, этого люди часто не понимают. (188)

До сих пор здесь не могут понять, что свобода может быть лишь от великого понимания и ответственности. Никакой другой свободы во всей вселенной нет. (189)

Всё: мысли, поступки и мечты – должно уменьшать страдания и увеличивать свободу всем другим людям. (190)

Свобода невозможна без полной ответственности за свою судьбу. (191)

Человек сам строит свою карму, сам медленно и упорно восходит по бесконечным ступеням совершенствования. Сама, только сама душа отвечает за себя на этом пути, от которого не свободен ни один атом в мире. (192)

Ежели ты себя в жизни так направишь, чтобы вместе со всеми лучше жить, и на то ударяешь, тогда ты человек настоящий. (193)

О, великий путь совершенствования! Знаешь ли ты, как медленно и мучительно, в неисчислимых поколениях безобразных чудовищ, пожирателей тины и падали, в тупых жвачных, яростных и вечно голодных хищниках проходила материя *кальпу* за *кальпой*, чтобы обогатиться духом, приобрести знание и власть над слепыми силами природы – *шакти*. В этом потоке, как капли в Ганге, и мы с тобой и всё сущее. (194)

Не должно быть никаких лишних вещей, связывающих человека, переживания и восприятия которого гораздо тоньше и сложнее в простой жизни. (195)

Бедность бывает разная, и материальная бедность ещё не гибельна, потому что она найдёт выход в духовном богатстве. (196)

Действительно богат тот, кто много знает. (197)

Утилитаризм неизменно приводит к ограниченности чувств, а не только мышления. (198)

Чем беднее страна или планета, тем больше разрыв в привилегиях и разобщение отдельных слоёв общества между собою. Достаток делает людей щедрее и ласковее, но когда будущее не обещает ничего, кроме низкого уровня жизни, приходит всеобщее озлобление. (199)

Дикая власть наживы заводит человечество в тупик. (200)

Стремление к грубому счастью собственности, жадному количественному увеличению обладания, быстро притупляющееся и оставляющее тёмную неудовлетворённость, ослабевает с возрастанием уровня культуры. (201)

В облике громадной машины есть то вызывающее чрезмерное хамство, с помощью которого ничтожный мещанин обретает мнимое превосходство. Ради этого он воздвигает роскошный особняк среди нищих хибарок и ведёт увешанную драгоценностями дуру-жену сквозь толпу бедно одетых тружеников. (202)

Деньги не цель, а возможность. Если относиться к ним как к силе, дающей разные возможности, то ты будешь ценить деньги, но оне не поработят тебя. Достойны презрения скупцы, однако не меньше противно и глупое мотовство. В деньгах – великий труд людей, и бросаться ими всё равно что бросать хлеб. (203)

Ярость собственника, невластного над прошлым, не имеет границ. (204)

Всегда приятно так просто помогать людям – чувствуешь себя богачом. (205)

Каждое недостойное действие немедленно должно уравновеситься противодействием. (206)

Понимание и разоблачение – две великие составляющие справедливости. (207)

Руководясь достойными намерениями, я смею всё. (208)

Мы можем видеть, что с древних времён нравственность и честь (в русском понимании этих слов) много существеннее, чем шпаги, стрелы и слоны, танки и пикирующие бомбардировщики. Все разрушения империй, государств и других политических организаций происходят через утерю нравственности. Это является единственной причиной катастроф во всей истории, и поэтому, исследуя причины почти всех катаклизмов, мы можем сказать, что разрушение носит характер саморазрушения. (209)

Зло в наказании иногда служит добру. (210)

Самая великая борьба человека – это борьба с эгоизмом! (211)

Чтение Восьмое

МАЛО ЛЮБВИ И ДОБРА В НАШЕМ МИРЕ!

Легко быть хорошим среди хороших, много труднее быть хорошим среди плохих. (212)

Что значит — сильная личность? Человек, умеющий концентрировать свои душевные силы и влиять ими на людей. Даже робкий человек в гневе, в момент подъёма психических сил, может заставить других послушаться! Храбрец увлекает за собой трусливых — всё явления одного порядка, выраженные то слабее, то резче. Потому и чёрная магия имеет под собой реальную основу власти сильной личности злого человека, если ещё вдобавок обладающего даром гипноза, то и совсем олицетворяющего дьявола в эпохи темноты и суеверия. (213)

Чёрная магия не сказка, она действительно существует. Конечно, это не какие-то оккультные заклинания и зелья, а не что иное, как сила злобной и нечистой души, подчиняющая более слабых. И ей противостоит белая магия добрых мыслей, чистых желаний, помощи и любви. Если в этом человек понастоящему силен, то ему покорятся другие, и вокруг него будет атмосфера доброго покоя, отражающая и подавляющая злые силы недобрых людей. Когда-нибудь все люди поймут это и начнут без суеверия борьбу с «чёрной магией» — проявлением тёмных сил человеческой психики! А я советую тебе сделать это сейчас и прежде всего побороть то, что появляется в тебе самом. (214)

Эгоизм — это не порождение каких-то сил зла, а естественный инстинкт первобытного человека, игравший очень большую роль в дикой жизни и направленный к самосохранению. Вот почему у ярких, сильных индивидуальностей нередко силен и эгоизм, и его труднее победить. (215)

Беспричинный враг — это патология, садизм, которые легко распознать; и это редкое явление. Гораздо резоннее считаться с врагами, явными или тайными, которые имеют причину быть ими. Главная причина враждебности между людьми, непосредственно не связанными, а тем более связанными, — зависть. Увы, самая

примитивная, мещанская, буржуазная, как хотите её называйте, но зависть остаётся основным бичом в человеческих отношениях. (216)

Борьба с элементами садизма – очень серьёзное и важное, но в то же время и тонкое дело. Чаще всего мещанин, ущемлённый в своих эгоистических поползновениях, мстит за это всем, кто попадает от него хоть во временную зависимость. Завистливый негодяй, причиняя зло и горе всем, кому может, пытается так уравнивать себя с более работающими и удачливыми людьми. Желание беспредметной мести тоже идёт в одной линии с тенденцией отказать, оборвать, цыкнуть и тому подобное. (217)

Один из законов энтропии: опыт поколений, накапливающийся в подсознании, становится преимущественно негативным. В этом и заключается сила зла. Чем древнее народ, тем больше в нём накапливается этого негативного опыта. (218)

В тесноте люди мешают друг другу и озлобляются. Видят роскошь, красоту и завидуют, насыщая воздух испарениями чёрной жёлчи. (219)

Почему не охраняете психическую атмосферу от злобы, лжи в угоду чему бы то ни было, от путаных мыслей и пустых слов? Даже самые важные научные теории в духовно-моральном отношении находятся на уровне мышления каменного века, если не будут переведены в сознательную мудрость человеческой морали. (220)

В отличие от первобытного зверя, поведение которого жёстко определялось железными законами дикой жизни, поведение невоспитанного человека не обусловлено. Отсутствие благодарности ко всему исходит из сознания: «Мир – для меня», – и является главной ошибкой в воспитании детей. Зато человек из зависти старается вредить своему ближнему, а этот «ближний» приучен мстить во всей силе своего скотского комплекса неполноценности. Так во всей жизни нагнетается всеобщее и постоянное озлобление, ощущение которого больно хлещет по чувствам тех, кто вырос в доброй психической атмосфере. (221)

Человек потерял много силы и выносливости, перестав быть животным и начав руководиться разумными побуждениями. В первобытной жизни и отборе наши предки накопили очень много энергии, частично ещё сохранившейся в организме, но в обычных

условиях остающейся без употребления. Эта огромная мощь называется *кундалини* и хранится в основании позвоночника в яйцевидной капсуле *канда*, в виде змеи, свернувшейся кольцами в три с половиной оборота. Три кольца змеи – три состояния энергии: положительная, отрицательная и нейтральная. Добавочные пол-оборота означают, что змеиная сила всегда готова перейти из латентного состояния в динамическое. (222)

В настоящее время, которое называется эпохой зла, люди другие, хуже праотцев. Они стремятся к злу и отвергают добро, обнаруживая ненасытную жажду наслаждений. В результате зло в мире неизбежно нарастает, нации затевают войну против других наций, дружба превращается во взаимную эксплуатацию и плотская страсть – это единственное, что связывает мужчин и женщин. Люди пали так низко, что уже не способны понять своё падение, не могут увидеть путь к спасению. (223)

Добро и зло, горе и радость абсолютны лишь в мере, а не в сравнении. (224)

Мало любви и добра в нашем мире! Мало людей, одарённых и не растративших свои душевные силы на пустяки вроде карьеры, жизни, богатой материально, или власти. Пусть ты родился слабым, но с любовью к людям, и ты не должен уходить с этого пути. (225)

Насколько мы все одиноки в жизни. Надо быть друзьями, надо всегда чувствовать вокруг себя дружеское участие, уверенность в помощи, ежедневную духовную связь, общение, деловую поддержку. Даже если захочется уединиться. Тогда появляется большая внутренняя сила, смелость, сознание своего единства с хорошими людьми. (226)

Как хочется верить в дружбу между мужчиной и женщиной! Но иногда мне кажется, что мы, современные люди, ещё не доросли до этого. (227)

В дружбе не так, как в любви, дружба требует обязательной взаимности. И равенства во что бы то ни стало. Но не в смысле одинаковости. (228)

Чтение Девятое

ТЕРПЕЛИВОЕ СТРЕМЛЕНИЕ ТРЕНИРУЕТ НАШУ ЧУТКОСТЬ

Во вселенной известно так много явлений, перед которыми мы стоим как дети, ещё не умеющие читать. (229)

Нет выше радости для человека, чем отдавать и помогать. (230)

Всегда идти срединным путём между двумя крайностями, между добром и злом, между светом и тенью, ибо всё в мире меняется со временем. То, что хорошо, становится плохим, и, наоборот, зло оборачивается добром. (231)

Велико счастье спасти одного человека, какова же будет радость, если удастся помочь целой планете! (232)

Одно невероятное, сцепившись с другим, превращается в реальное. (233)

Неизбывно живёт в каждом человеке, от костров пещерных жителей до пламени дюз ракетного корабля, вера в чудо, лекарство, волшебное место. Что-то внешнее, что придёт и снимет усталость, отчаяние и разочарование с души, хворь с больного тела. (234)

Люди часто не умеют взвесить реальную ценность своих дел и сопоставить её с вредной оборотной стороной, которой неизбежно обладает каждое действие, каждое мероприятие. (235)

Старая слава забывается, как забывается всё в быстром течении жизни, несмотря на усилия людей, особенно власть имущих, удержаться подольше в памяти человечества. (236)

В памяти человечества живут лишь те, чьи мысли, воля и достижения продолжают действовать и по прекращении действия забываются и исчезают. Часто они воскресают вновь из небытия, как многие древние учёные или художники, если их творения вновь

становятся необходимыми и возобновляют действие в обществе. (237)

Бояться нельзя, но и легкомыслие, безответственность в любом деле не лучше трусости. (238)

Основой бесстрашия чаще всего является тупая нервная система и самоуверенность, исходящая от невежества. Но есть и иная, высшая ступень бесстрашия: самоконтроль при полном знании и чрезвычайной осторожности в действиях. (239)

Нельзя достигнуть истинной высоты культуры, убивая животных для еды. (240)

Чуткость вырабатывается в суровой жизни, где каждый немедленно отвечает за свои личные промахи перед самим собой и ближайшими товарищами. Люди такого закала привыкают полагаться прежде всего на себя и, главное, доверять себе. (241)

Серьёзные, вдумчивые и очень активные люди руководствуются не внешними соблазнами и приказами, а внутренним сознанием необходимости. (242)

Фальшивый страх ответственности составляет чуть ли не главное ощущение многих людей. (243)

Кричать о победе, которой не было, значит, проиграть будущее сражение, недооценив силы противника. (244)

Есть боевая злоба, которая возникает у доброго человека, когда он сталкивается с тёмной силой людского зверства. (245)

Солдату с передовой идти некуда, пока воюет. Или в могилу, или в госпиталь. Настоящему человеку в жизни некуда деваться, как стоять на передовой. (246)

Те, кто боится смерти, живут в голоде и злобе. Если ты знаешь, что в твоей смерти жизнь твоих родных, тогда идёшь смело на любую опасность! (247)

Терпеливое стремление тренирует нашу чуткость, даёт умение отделить настоящее от случайного – это своего рода внутренний

компас, который в нужную минуту всегда подскажет вам, что вы на верном румбе. И кто знает, быть может, мы потому и встречались в жизни с интересными и замечательными событиями, что постоянно следовали этому своему компасу. (248)

Люди с развитой и тренированной психикой понимают друг друга почти без слов – слова служат лишь подтверждением чувств. (249)

Душевное одиночество ещё хуже, чем отрешённость от привычного мира. Это очень тягостно при тяжёлых испытаниях. (250)

Ничего нет более могучего, чем люди, соединённые доверием. Даже слабые люди, закаляясь в совместной борьбе, чувствуя, что на них полагаются полностью, становятся способными на величайшее самоотвержение, веря в себя, как в других, и в других, как в себя. (251)

Равновесие и умение быстро восстановить в себе покой – это качества, возможные лишь при избытке психологической крепости и воли. (252)

Разве может оказаться чужим тот, кто служит в полную меру сил? (253)

Большие достижения требуют больших жертв. (254)

Душевную силу дают долгая подготовка, крепкая закалка, строгое воспитание. (255)

Железная решимость обеспечивает успех, и если она есть, то будет и удача. (256)

Самая страшная отравка даже для очень мудрого и сильного человека – это постоянное восхваление его и его деяний. (257)

Часы неудач и поражений неизбежно сопровождают настоящую творческую деятельность. (258)

То, что на первый взгляд кажется неудачами, помогает копить в себе знания и не разбрасываться на побочные дела. (259)

Чтение Десятое

ПУТЬ У ТОГО, КТО НЕ СТОИТ НА МЕСТЕ, А ИДЁТ ВПЕРЁД

Мало делать правильные поступки, надо ещё распознать время, в которое надлежит их сделать. Мы не можем сесть в лодку, которая уже проплыла мимо, или в ту, которая ещё не пришла. Знать, как действовать, – половина дела, другая половина – знать время, когда совершать действие. Для всех дел в мире есть надлежащее время, но чаще всего люди упускают его. (260)

Определить соразмерность своих сил необходимо перед выполнением задач жизни, ибо жизнь – искусство, а не хитрость, для открытых глаз и сердец. (261)

Достигнуть последнего усилия не часто дано человеку, но оно губительно для слабого. (262)

Человек платит за унижение осмеиванием того, кто унизил, если не имеет силы. (263)

Дразнить или обижать кого-то – так выходит наружу скрытая вина или неполноценность. (264)

Дешёвой насмешкой, вульгарным осмеянием люди невежественные или слабые нередко прикрывают своё недоверие к новому, зависть к красивому, испуг перед глубиной знания. (265)

Угнетённый страхом вечно озлоблен и готов на всевозможные пакости. (266)

Избалованность – это отсутствие стойкости и нежелание любой ответственности. (267)

Вот что я скажу тебе определённо, как величайшую мудрость: преклонение для того, на кого оно направлено, самая быстрейшая порча. (268)

Сплочённость изнашивается, как физическая сила. Чистота сердца и бескорыстие, как железо ржавчиной, разъедается лестью окружающих, толпами продажных женщин и торговцев, жрецов и философов, родственников и мнимых друзей. (269)

Великое преступление возникает из цепи малых ошибок и проступков, а великое достоинство, равное богам, родится из бесчисленных действий сдержанности и обуздания самого себя. (270)

Жизненный опыт и знание психологии приучают не огорчаться из-за столкновений с косностью, гнусностью или непониманием. (271)

Моральный фактор не менее важен, чем все физические условия. Основа опасности в самом человеке, если он становится жертвой душевного надлома и не может действовать трезво. (272)

Обычный человек не в состоянии пройти по доске на большой высоте, хотя и доска может быть настолько широкой, что пройти её на земле доступно любому. (273)

Люди, остановившиеся на пути, чувствуют довольство достигнутым. Тогда неизбежно родится ощущение, что ты выше других, а оно ведёт к жажде поклонения. Идущий же должен всегда видеть себя со стороны, взвешивать, понимать всё ничтожество достигнутого, всю необъятность мира и прошедших времён. Из этого возникает не детская застенчивость, а неизбежная скромность. (274)

Ты не должен возвеличивать себя или другого ещё и потому, что возвышение одного неотвратимо рождает принижение другого. А принижение, особенно добровольное, ещё опаснее, оно рождает привычку быть руководимым, снимает ответственность за свои поступки, за свой путь. Тогда в расплату за облегчение жизни прекращается воспитание души, её совершенствование. (275)

Путь есть путь, и никто не может его избежать, если не хочет стоять на месте. Только путь можно удлинить или укоротить, но короткий он труднее, как в горах. (276)

Конформизм, по существу, задержка или остановка развития. Внутренняя диалектическая борьба – это основа всякого устройства в жизни, всякого процесса и всякой сложной структуры. Без неё

получается просто количественный прирост наподобие раковой опухоли из однородных невзаимодействующих клеток, вместо организованного общества – толпа. (277)

Толпой управлять гораздо легче, но ведь развитие идёт, а она стоит на месте как застойная общественная формация. Всё больше растёт разрыв между нею и передовыми членами общества, требованиями прогресса. (278)

Неизбежна аннигиляция качества количеством. В зелёных джунглях тигр кажется великолепным зверем, почти мистически страшным. Но представьте десять тысяч тигров, выгнанных в поле! Как ни опасна эта масса, но она всего лишь обречённое стадо, тигра в ней нет. (279)

Человек и окружающий его мир едины. Искусственный их разрыв не создаёт никакого величия, не наделяет сверхчеловеческими силами, ибо части никогда не могут быть больше целого, и осколок, каким бы твёрдым он ни был, никогда не превзойдёт стойкости целого кристалла. (280)

Чтение Одиннадцатое

ЗНАНИЕ СЛИВАЕТСЯ С НЕПОВТОРИМЫМ МАСТЕРСТВОМ

Несчётное число раз я размышлял, сидя на берегах горных рек, о сходстве такого потока с жизнью людей. Смотри, вот они, пузырьки, – как наши жизни – один побольше, на другой упадёт больше солнца, и он покажется более ярким, блеснёт всеми цветами радуги. Вот тот проплыл до середины освещённой полосы, а за это время лопнули и навсегда исчезли тысячи других... (281)

Так и мы: кому-то удаётся проплыть дольше, засверкать поярче, и каждый неповторим в своём коротком пути. Изменяется течение, угол падающих лучей, отражение скал – и всё другое. Пузырьки на реке, живущие несколько мгновений, летящие по воде от одной стены тумана до другой, – таковы мы в своей индивидуальной жизни. (282)

Сердце преисполняется печалью, когда следишь за этими обречёнными пузырьками. Забываешь, что они часть могучего потока, прорвавшего горы и мчащегося за тысячи миль к необозримым просторам тёплого океана. Исчезая, пузырёк не превращается в ничто – он соединяется с общим потоком. Научиться чувствовать себя всегда частью потока, несмотря на всю свою индивидуальную неповторимость, – вот обязательное условие мудрости! (283)

И смотри ещё: чем яростнее борется вода, пробиваясь через препятствие, чем стремительнее её бег, тем больше рождается пузырьков и тем короче их существование. А ниже, на успокаивающейся воде, пузырьки редки, они живут дольше, зато вода бежит медленнее и их путь той же длины. (284)

Чувство внутреннего покоя и достоинства даёт возможность не бояться хулы и не преодолевать смущение заносчивостью. (285)

Олимпийское спокойствие – дар и свойство богов, отсутствующее у простых смертных. Оно самое первое из высоких

дел. Ничего нет выше этого благородства, украшающего каждый прожитый день. (286)

Знать свои слабости и побеждать их – это даёт силу и власть над людьми. (287)

Спектр очарования природы: звериная сила тела, чувство бесконтрольного приволя, водоворот вечного кочевья, охоты, сражения, «злые» чары тёмной страсти – всё, что составляет анимальную сущность диких сыновей и дочерей Земли. Этому могучему и древнему волшебству вы противопоставите свет и безграничную вселенную ноосферы – поверх тёмных глубин побеждённого самим собой «я». (288)

Первые капли дождя не напитывают землю, но предвещают ливень плодородия. И мы тоже – капли. (289)

Есть объяснение почти для всего. Всё закономерно, в том числе и поступки людей. (290)

Мозг – это природа и вселенная, но вселенная не одного лишь текущего момента, а всей её миллионлетней истории, и опыт мозга отражает не только необъятную ширину, но и изменчивость природных процессов. (291)

Наша психика, отражающая внешний мир, – это такой же процесс и движение, как всё окружающее. (292)

Бездна памяти таится в глубинах нашей психики, вернее, физиологии, потому что она – из прошлого, а наша психика – это результат физиологии во взаимодействии с настоящим. (293)

Мышление человека, его рассудок отражают законы логического развития окружающего мира, всего космоса. В этом смысле человек – микрокосм. Мышление следует законам мироздания, которые едины повсюду. Мысль, где бы она ни появлялась, неизбежно будет иметь в своей основе математическую и диалектическую логику. Не может быть никаких «иных», совсем непохожих мышлений, так как не может быть человека вне общества и природы. (294)

Мудрость – это сочетание знания и чувств. (295)

Всегда приятно встречаться с собственными мыслями и ощущениями у другого, особенно старшего и мудрого человека. (296)

Знаете, как хорошо бывает, когда думаешь и чувствуешь и не у кого спросить, а вдруг всё оказывается верным. И от этого всё становится светлее и ближе! (297)

Всегда восхищаешься совпадением мыслей у целого ряда людей. В этом залог их верности и чувство товарищеской опоры. (298)

Знание сливается с неповторимым мастерством! (299)

Все вещи просты, когда знаешь, как их сделать! (300)

Развитие знаний, накопление опыта должны быть непрерывны. Только так нарушатся законы развития, которое всегда неравномерно и противоречиво. (301)

Люди стали меньше верить в чудесные возможности, которые таит в себе человеческая природа, в воспитание подлинного мастера – мастера в прекрасном старинном значении этого слова. (302)

Иногда лучше быть ничего не знающим и идти с широко открытыми глазами, свободным от чужого знания и вкуса. (303)

Не знать – не позорно, но уж отстаивать своё невежество, извините... (304)

Тупость никогда не должна торжествовать – последствия неизменно бывают плохими. (305)

Чтение Двенадцатое

ПОДВИГ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ И ВОСХОЖДЕНИЯ

Информация, как бы обширна она ни была, сама по себе не порождает мудрости и не помогает человеку одолеть свои затруднения. (306)

Знание, подобно добру, не должно разбрасываться как попало. Подобно богатству или военной силе, знание, попав в негодные руки, служит глупому возвеличению одного и унижению других. (307)

Умнеть всегда нелегко. (308)

С детства сложившееся представление трудно уничтожить. (309)

Знание – это не то, что тебе в голову в обязательном порядке набьют, а что ты сам в неё положишь с любовью, не спеша, выбирая как цветы или камни красивые. Тогда ты и начнёшь глядеть кругом и с интересом и поймёшь, как она, жизнь-то, широка, да пестра, да пресложна. И житишко твоё станет не куриное, а человечье, потому человек – он силён только дружбой да знанием и без них давно бы уже пропал. Житья бы не стало от дураков, что ничего, кроме своего двора да животишка, не понимают. (310)

Безмерная людская глупость не даёт возможности понять истинную природу несчастий. (311)

Знание – спасение. Не было бы и малой доли того страдания, какое есть в мире, если бы люди больше задумывались над горем, происходящим от невежества. (312)

Трезвый разум, жаждущий простых и естественных истин, постепенно справляется с массой впечатлений. (313)

Гордая мысль, раз взлетев, не признаёт никаких препятствий. (314)

Без уединения человеку недоступно никакое совершенствование. (315)

Мало одного ума – нужна ещё и работа. (316)

Мыслящее существо обладает способностью не только запоминать, но и восстанавливать забытое. (317)

Чтобы видеть сны золотые надо иметь золотую душу. А в бедной душе откуда возьмётся богатство грёз? (318)

Как учёный, я привык иметь дело с фактами и только с фактами. (319)

Нельзя просто поднять завесу неизвестного – только после упорного труда, отходов, боковых уклонений мы начинаем ловить истинный смысл, и новые необъятные перспективы раскрываются перед нами. Не избегайте никогда того, что кажется сначала бесполезным и необъяснимым. (320)

Смотрите, как повсюду окружают нас непонятные факты, как лезут в глаза, кричат в уши, но мы не видим и не слышим, какие большие открытия таятся в их смутных очертаниях. (321)

Часто неверная предпосылка приводит к удачному опыту и неверная теория способствует раскрытию истины, иначе лежавшей бы под спудом нагромождённых без смысла наблюдений и фактов. (322)

Люди мало знают о своих собственных возможностях, а ещё меньше – верят в себя. (323)

Правильный путь к совершенствованию человека в тщательном развитии и умножении его телесных и психических сил. (324)

Для того, чтобы осмысливать мир, нужно быть в известной степени независимым от сил природы. (325)

Если случается непредвиденное, то значит, оно не может быть наперёд обдумано. (326)

В неожиданности почти всегда бывает часть того, что вы заранее обдумали. И тогда вы будете действовать уверенно, как опытный человек, так, будто с вами это уже происходило, и будете драгоценным товарищем. (327)

Каждая душа только сама может совершить подвиг совершенствования и восхождения. (328)

Мудрость малопривлекательна для её обладателя. Мудрых людей мало. Мудрость копится исподволь у тех, кто не поддаётся восхвалению и отбрасывает ложь. Проходят годы, и вдруг ты открываешь в себе отсутствие прежних желаний и понимание своего места в жизни. Приходит самоограничение, осторожность в действиях, предвидение последствий, и ты – мудр. Это не есть счастье в поэтическом понимании, вовсе нет. (329)

Индивидуальное совершенствование без общественного назначения, во-первых, неполно, во-вторых, бесцельно. Это всё равно что сделать могучую машину и запереть её в сарай. Цель – действие в обществе людей, а не уход от них. (330)

Для этого и надо становиться сильными – чтобы помогать всем людям подниматься на высокий уровень жизни и познания. (331)

Чтение Тринадцатое

НАГРОМОЖДЕНИЯ ЛЖИ – АРХИТЕКТУРА ОБРЕЧЁННЫХ

Жизнь для других, для большой цели светла и интересна, а жизнь для себя убога! (332)

Главное всегда и везде – не совершать поступка, продиктованного ошибочным мнением. (333)

Правда – она зависит от понимания. У любящего – одна правда, у ненавидящего, подозрительного – другая! (334)

Найти правду, общую для большинства, с помощью точных наук не удавалось, потому что не были установлены критерии для её определения. Эти критерии, иначе мера, оказались в какие-то периоды даже важнее самой правды. (335)

Правда и есть истина, ложь порождается страхом. Но не настаивайте слишком на точности истин, помните об их субъективности. Человек хочет всегда сделать объективной её, царицу всех форм, но она каждому показывается в ином одеянии. (336)

Погоня за абсолютным – одна из самых тяжких ошибок человека. Получается односторонность, т.е. полуправда, а она хуже, чем прямая ложь, та обманет меньшее число людей и не страшна для человека знающего. (337)

Воспитание в правде не может быть облечено абстрактными формулировками. Прежде всего это действенный подвиг на всех ступенях жизни. Когда вы откажетесь от злословия, от общения в предателями правды, насытите свой ум добрыми и чистыми мыслями, вы приобретёте личную непобедимость в борьбе со злом. (338)

Случая нет. Всё нуждается в понимании и разоблачении – двух великих составляющих справедливости. Что бы ни встречалось тебе

в жизни, никогда не ступай на чёрную дорогу и старайся отвращать людей от неё. Для этого ты вооружён достаточно! (339)

Совмещать разные пути нельзя. Это приводит к ошибкам. (340)

Как судить только от себя, со своей стороны, если всё в мире имеет две? (341)

Ступив на путь лжи и запугивания, где определить меру и ту грань, дальше которой нельзя идти, не падая? (342)

Предатель своей страны заслуживает смерти у всех народов. Но почему не видят люди предателей своей собственной души? Ведь такие изменники не имеют уже правдивости. На человека этого нельзя положиться ни в чём. Он будет идти от дурного к худшему, и зло внутри будет возрастать. Кто бесчестен в самых великих вещах, скоро вообще потеряет всякое достоинство. (343)

Нет таких обстоятельств, чтобы скрыть правду о тех, кого любишь! (344)

В нашу inferнальную эпоху история не наука, а лишь инструмент политики и угнетения, нагромождение лжи. (345)

Целенаправленная ложь создаёт своих демонов, искажая всё: прошлое, вернее, представление о нём, настоящее – в действиях, и будущее – в результатах этих действий. Ложь – главное бедствие, разъедающее человечность, честные устремления и светлые мечты. (346)

Ещё очень плохо – людям так много лгали, что они не верят друг другу более, не верят никому, хотя бы тем, кто пришёл открыть им глаза и спасти их. (347)

Дорога к будущему разбежалась тысячей мелких троп. Ни одна не внушает доверия. Все устои общества и даже просто человеческого общежития полностью разрушены. Законность, вера, правда и справедливость, достоинство человека, даже познание сил природы – всё уничтожено владичеством аморальных, бессовестных и невежественных людей. Вся планета превратилась в гигантское пепелище. Пепелище опустошённых душ, сила и достоинство

которых тоже растрчены в пустой ненависти, зависти, бессмысленной борьбе. И везде ложь. Ложь стала основой сознания и общественных отношений на нашей несчастной планете. (348)

Карма – колоссальный космический механизм, работа которого лежит в самой основе мира. Всё на свете – и боги, и люди, и звери подлежат карме. Они должны изживать свои ошибки, несовершенства и тем более преступления в чередующихся воплощениях, судьба которых или ухудшается, или улучшается в зависимости от личного и общественного поведения. (349)

Ложь и обман, особенно написанные в книгах, составляют страшные преступления, потому что ведут за собой вредные следствия для многих людей и могут быть изжиты лишь через тысячи лет. Разрушение прекрасного также относится к самым тяжким поступкам. Запрещение кому-либо чего-либо означает, что запрещающий берёт нас себя карму подневольного, какая бы она ни была. (350)

Чтобы научить, надо ещё заставить человека учиться, а он по природе ленив. (351)

Мысли, думы, мечты, идеи, образы накапливаются в человечестве и незримо присутствуют с нами, воздействуя тысячелетия на ряд поколений. Наряду со светлыми образами учителей, творцов красоты, рыцарей короля Артура или русских богатырей были созданы тёмной фантазией демоны-убийцы, сатанинские женщины и садисты. Существовая в виде закрепившихся клише, мысленных форм в ноосфере, они могли создавать не только галлюцинации, но порождать и реальные результаты, воздействуя через психику на поведение людей. (352)

Умение учить – драгоценнейшая способность в эпоху, когда, наконец, поняли, что образование, собственно, и есть воспитание и что только так можно подготовить ребёнка к трудному пути человека. Конечно, основа даётся врождёнными свойствами, но ведь они могут остаться втуне, без тонкой отделки человеческой души, создаваемой учителем. (353)

Учитель – в его руках будущее ученика, и только его усилиями человек поднимается всё выше и делается всё могущественнее,

выполняя самую трудную задачу – преодоление самого себя, самолюбивой жадности и необузданных желаний. (354)

Будьте диалектиком и знайте, что нельзя требовать от жизни абсолютного приближения к идеалу и цели. Всё лишь относительно, и потому не безразлична, так сказать, цена достижения. И уж прямая дикость – устремление к цели любыми средствами. Жизнь неизбежно перевернёт страницу, и идеал изменится. (355)

Чтение Четырнадцатое

НЕОБЫЧНЫЕ ИНТЕРЕСЫ – ОБЫЧНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ НЕОБЫЧНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ

Пора понять глубочайшую ошибку, совершаемую всеми родителями во всём мире, когда они прилагают все усилия, жертвуют собой, надрываясь, чтобы обеспечить своим детям спокойную жизнь и материальный достаток. Вместо того чтобы закалить их, научить жизни, а не заслонять от неё! Умные люди понимают, что никакие дачи, мебели, машины и капиталы ничего не дают, если нет человека, если он не воспитан стойким, любознательным, активным деятелем жизни, любви, знания, если он не идёт по жизни сам, не создаёт её сам, не существуя ни за чей счёт. (356)

Кротость и терпение воспитывают грубость и невежество. (357)

Благодаря самоотверженности, терпению и доброте распускаются пышные цветы зла из робких бутонов начальной несдержанности и безволия. Более того, терпение и кротость женщин помогают мужчинам сносить тиранию и несправедливость общественного устройства. Унижаясь и холуяствуя перед вышестоящими, они потом вымещают свой позор на своей семье. (358)

Самые деспотические режимы подолгу существовали там, где женщины были наиболее угнетены и безответны. Везде, где женщины были превращены в рабочую скотину, воспитанные ими дети оказывались невежественными и отсталыми дикарями. (359)

Люди теперь невоспитанны. Воспитание мужчин давно стали заменять образованием, которое давало большие преимущества в жизни. Воспитание сошло на нет, оставшись лишь по традиции в аристократических семьях. Женщинам везде давалось больше воспитания, чем образования. Это ослабило их в жизненной борьбе, но в то же время спасло род человеческий от полного одичания. (360)

Иногда мне кажется, что человечество забыло с тех самых пор, как кончился матриархат и поклонение женщине-матери, что она не

только возлюбленная, не только мать, рождающая ребёнка! Она воспитательница человека, ребёнка и мужчины тоже. Воспитать человека – это главная задача для всего будущего Земли, более важная, чем достижение материального благополучия. В этой задаче красота – одна из главных сил, если только люди научатся правильно понимать и ценить её, также и пользоваться ею. (361)

Женщина – огонь жизни, пробуждающий, направляющий и формирующий стихийные силы природы. Она – мать, защитница от зла, дающая мужчине покой, воспитывая и указывая путь к прекрасному и доброму. От такого представления о женщине не откажется сейчас ни один культурный человек. (362)

Воспитанность – это прежде всего умение сдерживать себя, не мешать другим людям. В этом единственная возможность сделать совместную жизнь хорошей для всех без исключения. (363)

Люди сумеют давать обществу правильно воспитанных детей, только когда поймут наконец, что воспитание – самое важное дело и что здесь нельзя пренебрегать никакими возможностями. (364)

Эх, родители! То слишком вмешиваются, портят жизнь и психику детей, то предоставляют им свободу, когда этого делать нельзя. (365)

Мы разучились воспитывать. Заменяли разнообразие обучения многочасовым сидением в школе и над уроками и думаем, что всё в порядке. Нет, друзья мои, чтобы хорошо воспитать человека, надо заставлять его работать по четырнадцать часов в сутки, но уж непременно над разными вещами. Школьные занятия сменять катком, танцами, ездой на автомобиле, велосипеде, гимнастикой, музыкой. В клещах работы и тренировки. (366)

Нужна величайшая осторожность и мудрость в применении дисциплины. Надо всячески избегать непрерывного давления на психику, необходимо «отпускать» человека, как отпускают сталь, чтобы не сделать её слишком хрупкой. Особенно так надо «отпускать» женщин, постоянное психическое давление забот на которых ведёт к истеричности и поступкам низкого морального уровня. (367)

Настоящее воспитание получил тот, для кого жизнь стала интересной и кому труд никогда не кажется нестерпимой обузой. (368)

Немилая работа хуже каторги, если ты век свой должен на ней стоять. За дипломом погонятся, а себя вроде как к каторге приговорят, несмышлёныши. (369)

Только через работу, через трудовые навыки происходит осмысливание окружающего мира и превращение животного в человека. (370)

Романтика – роскошь природы, но необходимая в хорошо устроенном обществе. От избытка телесных и душевных сил в каждом человеке быстрее возрождается жажда нового, частых перемен. Появляется особое отклонение к жизненным явлениям – попытка увидеть больше, чем ровную поступь повседневности, ждать от жизни высшую норму испытаний и впечатлений. (371)

Осень умеренных широк с её грустью любят именно люди наиболее энергичные, жизнерадостные и глубоко чувствующие. (372)

За необычными интересами часто кроются необычные способности. (373)

Профессия моряка и лётчика – это не только умение и тренировка. Духовное соответствие выбранному жизненному пути, позволяющее спокойно противостоять колоссальной мощи океана и, не дрогнув, исполнять свой долг до конца. Это соответствие призванию, пожалуй, такое же, как у художника, делающего своё дело вопреки всей силе мещанской злобы и непониманию, учёного – до конца ведущего поиски истины и борьбу с косностью, артиста – погибающего в усилиях достичь невысказанного совершенства. (374)

Талант – это способности, позволяющие делать то, что недоступно среднему человеку. (375)

Миллионы способных людей погибли, не дав миру, что могли, только потому, что не нашлось соответствия их способностей с задачами общества и уровнем времени. (376)

Качества мыслящего индивида в известной мере антагонистичны социальным нуждам человечества. (377)

Труд в полную меру сил, только творческий, соответствующий врождённым способностям и вкусам, многообразный и время от времени переменяющийся – вот что нужно человеку. (378)

Необходима не только перемена рода занятий, но и регулярное чередование труда и отдыха. Чем тяжелее труд, тем длительнее отдых, и тогда чем труднее, тем радостнее, тем больше захвачен человек весь, полностью. (379)

Можно говорить о счастье, как о постоянной перемене труда и отдыха, трудностей и удовольствий... Борьба за новое – вот настоящее счастье. (380)

Чтение Пятнадцатое

БЕССМЫСЛЕННАЯ РАБОТА ВЫЗВАНА СВОЕЙ ИЛИ ЧУЖОЙ НЕБРЕЖНОСТЬЮ

Люди всё больше освобождаются от бесконечного и монотонного труда и в то же время не подумали, чем заполнить досуг. Психологический провал современной цивилизации – бесцельная, ничем не заполненная праздность. А заполнить её надо воспитанием детей и самовоспитанием. Большая проблема жизни – держать человека в alertном состоянии, собранным физически и духовно. Для этого нужно, чтобы у него была цель, большая, хорошая. (381)

В несовершенном мире яркая индивидуальность, большие способности вместо служения обществу делают из человека замкнутого эгоиста, зачем-то самого себя превозносящего. (382)

Что касается гениев, то если понимать под этим словом людей, намного превосходящих среднего человека своими способностями, то такие гении бывают двоякого характера. Те, которые в силу исключительного запаса физических и психических сил обладают выдающейся работоспособностью и успевают сделать гораздо больше других, средних людей, так же хорошо уравновешены психически. Это и есть настоящие люди будущего. Но есть и другой тип гениев, у которых односторонне развита какая-либо одна способность в ущерб другим. Вследствие особой концентрации усилий, фанатической одержимости эти люди в чём-то одном намного опережают среднего человека, но психика их неуравновешена, очень часто параноидальна. Такие гении, с одной стороны, полезные члены общества, с другой – трудные в общении и нередко опасные. (383)

Бывает и так: человек не может совершить выдающегося, но зато делает хорошо многое. Это куда труднее, чем специализироваться. (384)

Не терплю бессмысленной работы, вызванной своей или чужой небрежностью и забывчивостью. В нашей жизни и без того слишком много нудных, обязательных и неизбежных дел,

отвлекающих нас от познания, от творчества. Если мы будем по собственной разболтанности увеличивать их количество, повторяя уже сделанное, переделывая неточное, поправляя испорченное, то вряд ли мы далеко уйдём за короткое время своей жизни. (385)

Новые пути нащупываются отдельными людьми, потому что только особая настроенность мозга, после очень длительной подготовки, может распознать новое направление, скрытое в противоречивых фактах. (386)

Чистый человек видит цель жизни в том, чтобы работать для людей, он узнал меру в своих стремлениях. Из меры и цели родится смысл и порядок жизни. (387)

Страстная, от всей души убеждённость в собственной правоте, в верности своих суждений составляет силу интеллигентного человека. (388)

Что значат усилия одиночки в сравнении с дружной работой многих людей, очень хорошо известно каждому, кто пытался проложить новые дороги в науке или технике. (389)

Имея дело с большими числами, нужно отказаться от узких, рождённых житейским опытом представлений. (390)

Железные законы научного мышления требуют не столько горячего убеждения, сколько фактического материала. (391)

Наука – борьба за счастье человечества – также требует жертв, как и всякая другая борьба. Трусам, очень берегущим себя, не даются полнота и радость жизни, а учёным – крупные шаги вперёд. (392)

Наука с каждым годом всё больше становится массовой профессией, пользующейся большим уважением и неплохо оплачиваемой, но пока ещё не выработавшей способов быстро распознавать бездельников, халтурщиков и обманщиков, маскирующихся под учёных. (393)

Настоящий учёный не способен на личную зависть. (394)

Для учёного важны не звания и регалии, для него важнее всего движение науки вперёд. (395)

Чтение Шестнадцатое

НАЙТИ ВЕРНОЕ РЕШЕНИЕ

Уровень науки определяет наличием фактическим материалом. (396)

Установить факт – ещё очень мало, надо объяснить его. (397)

Наука отбросила и дала утонуть в бездне информации всем необъяснимым на данном уровне познания фактам. (398)

Наука, с одной стороны, дисциплинирует мышление, приучает к логике, к экономии мыслей, учит идти прямо к цели, не разбрасываясь. Но опять-таки диалектически она имеет свою обратную сторону: наука прежде всего обедняет многогранность ощущения мира. (399)

Что происходит с наукой? Она ветвится, а знания наши дробятся. Существуют настолько узко-специальные проблемы и теории, что их в пору разглядывать в электронный микроскоп. (400)

Здание мира, некогда цельное, теперь разбито на осколки, и «узкие» науки не способны объяснить мир: оне перестают его понимать. Нужны учёные-энциклопедисты, те, кто поможет создать новую натурфилософию. (401)

Быстрые изменения жизни при технически развитой цивилизации запутывают дороги к правде, делая её зыбкой, как на слишком чувствительных весах, которым не дают уравновеситься. (402)

Основное правило психологии предписывает искать в себе самом то, что предполагаете в других. (403)

Необходимо дополнить метод внешнего исследования, характерный для науки Запада, интроспективным методом Востока, полагаясь только на собственные силы человеческого разума. (404)

Чем шире становится фронт науки и глубже проникновение в тайны природы, тем больших усилий и материальных затрат требуется для каждого нового шага. (405)

Быстрые продвижения одиночек сегодня невозможны. Познание оказалось слишком многосторонним, всё более сложные эксперименты замедляют ход исследований и, кроме того, громоздят горы неиспользуемой информации. (406)

При малой затрате средств на науку нет никакой надежды, что она сможет разрешить стоящие перед ней задачи, проникнуть в глубокие противоречия биологических механизмов и социального развития. Так выходит, что учёные получают от государства привилегии за то, чего сделать не могут, т.е. являются паразитами, живущими на ренту приобретённых знаний. (407)

Раздробленное знание углубляется в вопросы, практически уже ненужные. (408)

Мы только отстранили себя от подлинного познания сложности живой природы, надев цепь односторонней и опасной линейной логики, превратившись из вольных мыслителей в скованных нами же придуманными методами рабов узких научных дисциплин. Та же первобытная вера в силу знака, цифры, даты и слова господствует над нами в трудах и формулах. (409)

То, что здесь называется наукой, на самом деле есть только технология, узкий профессионализм, столь же далёкий от самоотверженного труда в познании мира, как ремесленный навык от подлинного мастерства. (410)

В то же время надменность молодых исследователей, по сути дела – невежественных технологов, воображающих себя учёными, доходит до того, что они мечтают о переустройстве вселенной, даже не приблизившись к представлению о сложности её законов. (411)

Наука не сумела даже выяснить смысл существования человека. Люди до сих пор ничуть не больше понимают цель жизни, чем ужасные динозавры, исчезнувшие с лица нашей планеты многие миллионы лет назад. (412)

Единственный критерий ценности науки – уменьшение страданий человечества, подъём из адских условий существования. (413)

Величайшее могущество фантазии! В голоде, холоде, терроре она создавала образы прекрасных людей, будь то скульптура, рисунки, книги, музыка, песни, вбирала в себя широту и грусть степи или моря. Все вместе они преодолевали inferно, строя первую ступень подъёма. За ней последовала вторая ступень – совершенствование самого человека, и третья – преобразование жизни общества. Так создаются три первые великие ступени восхождения, и всем им основой служит фантазия. (414)

Преимущество «философии природы» в широком подходе к понятиям сугубо специфическим, к проблемам чисто научным. В готовности ответить на любые вопросы, и общие и частные. В неоспоримом достоинстве смотреть на предмет исследования под широким углом зрения. (415)

В науке могут быть два пути – путь смелых бросков, догадок, с отступлениями, провалами и разочарованиями, и путь медленного продвижения, когда постепенно нащупывается истина. И оба полезны, и один не может обойтись без другого. (416)

Мы ещё не научились как следует управлять наукой. Она поднимается валом, но несёт много мусора. Да и внутри настоящей науки тоже накопилось всякой лжи. (417)

Незнакомая наука кажется очень важной. (418)

Мне думается, что понять законы стихий – это знание, а овладение этими силами, подчинение их – это искусство! (419)

В незапамятные времена люди могли совершать небрежность или обманывать друг друга и себя. Но не теперь! (420)

Всё грознее становится могущество человека и всё больше – его слабость перед лицом им же созданных опасностей, каких ещё не существовало в прежнем мире. (421)

Безудержность знания неотвратима: оно всё шире и дальше распространяется по бескрайним равнинам неизвестного, захватывая всё большие массы людей. (422)

Чем глубже познание, тем сильнее может быть причинён вред. (423)

Никакая опытность не может противостоять случайности, и учёный должен бы об этом знать! (424)

Наука сейчас, как и все другие виды деятельности, носит принудительный характер. Разбитое на мелкие осколки знание, интересует людей не более, чем всякая работа, в которой не видишь смысла и цели. Значение имеют только учёная степень и должность, дающие привилегии. (425)

Есть люди, безразличные в выборе научного пути. Случай, выгода – и они будут заниматься чем угодно. И даже с большим успехом, с хорошими результатами. Но я не считаю их настоящими учёными. Выбор науки, что там ни говори, определяется личными склонностями, способностями и вкусами. Только тогда, когда ваш ум будет требовать знания, ловить его, как задыхающийся ловит воздух, тогда вы будете подлинными творцами науки, не щадящими сил в своём движении вперёд, сливающими свою личность с наукой. Тут дело в комбинации твоих способностей и интересов, которые принесут наибольший эффект, если будут гармонировать с избранным путём. (426)

Длительность зрелой жизни бесконечно мала не только перед необъятностью знания, но и для неутомимых поисков учёного. Если он утомляется в пути, то, значит, началось духовное умирание исследователя, как бы велики ни были его прежние достижения и заслуги. (427)

Люди, к сожалению, таковы, что дабы утвердить новое, им надо опорочить прежнее. (428)

Учёные очень много занимаются отрицанием, словесно уничтожая то, чего якобы не может быть и нельзя изучать. Об известных явлениях природы твердят как о несуществующих, не понимая сложности мира. Это негативное направление науки пользуется наибольшим успехом у массы людей потому, что

поднимает их ничтожный и узкий здравый смысл до «последнего слова» науки. (429)

Узкая специализация учёных содействует быстрому разрешению частных вопросов, но в то же время мешает обобщению более широких проблем. (430)

Иногда трудно иметь дело с профессионалами. Слишком много предвзятости. (431)

Человеческое знание имеет тенденцию узнавать всё больше и больше о всё меньшем и меньшем. Уравновешивая эти две противоположности, мы найдём верное решение. (432)

Что касается секретности, то секреты в науке лишь отсрочка, тем более короткая, чем более общей проблемой вы занимаетесь. (433)

Наука не знает и не может знать всей необъятности мира. И вера в то, что она уже нашла решение всех проблем, приведёт к катастрофе. Так могут думать лишь ослеплённые догматизмом или некритическим энтузиазмом люди. Ни одно из открытий, ни один из величайших законов не окончательны. Думают о полноте и законченности науки обычно догматические умы в математике, но ведь это одно и то же, как если бы историк решил, что история завершена. (434)

Чтение Семнадцатое

СВЕДЁТСЯ ЛИ МОГУЩЕСТВО НАУКИ К ДОБРУ ИЛИ КО ЗЛУ – ЗАВИСИТ ТОЛЬКО ОТ НАС

Чем больше развивается наше знание, тем больше загадок природы встаёт перед нами. Беспредельно богатство самых привычных явлений, неисчерпаемое в своём разнообразии, в извилистых путях исторического развития. (435)

Прежде чем научиться нести чужое бремя, мы учимся, как не умножать это бремя. Стараемся, чтобы ни одно наше действие не увеличивало суммы всепланетной скорби, постигая диалектику жизни, гораздо более сложную и трудную, чем все головоломные задачи творцов научных теорий и новых путей искусства. (436)

Зачем стремиться к овладению первичными силами космоса, не познав как следует необходимых человеку вещей? (437)

Чудовищная стоимость, сложность и энергетическая потребность наших приборов давно превысили истощённые производительные силы планеты и волю к жизни наших людей. (438)

Число возможных научных объяснений любого физического явления безгранично. Так выбирайте только то, что станет непосредственным шагом, пусть маленьким, к счастью и здоровью людей. Только это, больше ничего! (439)

Как необходимо и благотворно непрестанное разъяснение гигантских достижений современной науки. (440)

Первые учёные неизбежно были проповедниками. Самое слово «профессор» означает по-латыни «проповедник», или «провозвестник», подчёркивая важнейшую роль популяризации в деятельности людей науки. Было бы замечательно, если бы люди выдающегося ораторского таланта читали лекции о достижениях науки, как о достижениях искусства, просто и широко говоря о необъятных перспективах, всё шире открывающихся перед современным человеком. (441)

Необразованный учёный – это звучит парадоксально, но лишь потому, что мы воспитались на старых представлениях об учёном как носителе энциклопедических познаний. (442)

Пожалуй, из всех несуразностей наших обществ больше всего удивляет то, как могут продавать себя самые могучие умы планеты. Вероятно, во всём остальном, кроме их узкой профессии, они вовсе и не могучи, эти талантливые обыватели. Впрочем, многие учёные сознают это. Большинство их ведёт себя надменно и вызывающе – именно так ведут себя обычно люди, скрывающие комплекс неполноценности. (443)

Есть вещи, которыми нельзя заниматься, пока не будет лучше устроено общество на всей нашей планете. (444)

Гуманизм и бесчеловечность в науке идут рядом. Тонкая грань разделяет их, и нужно быть очень чистым и честным человеком, чтобы не сорваться. Мало того, по мере развития гуманизм превращается в бесчеловечность, и наоборот, – такова диалектика всякого процесса. (445)

У нас на Земле велось и ведётся множество дискуссий по миллионам вопросов, издавалось и издаётся миллионы книг, в которых люди спорят со своими противниками. В конце концов мы запутались в тонкостях семантики и силлогизмов, в дебрях миллионов философских определений вещей и процессов, сложнейшей вязи математических изысканий. В литературе идёт аналогичный процесс нагромождения изощрённых словесных вывертов, нагромождения пустой, ничего не содержащей формы. (446)

В науке и искусстве надо спорить работой, идти вперёд, пусть спотыкаясь, но идти, а не играть словами. (447)

Наука имеет свои законы развития, не всегда совпадающие с практическими требованиями сегодняшнего дня. И учёный не может быть врагом современности, но и не может быть только в современности. Он должен быть впереди, иначе он будет лишь чиновником. Без современности – фантазёр, без будущего – тупица. (448)

Всё быстрее нарастает познание в современном мире. Обрисовывается точнейшая взаимосвязь, обусловленность кажущихся различными явлений мира и жизни. Всеобщее переплетение отдалённых случайностей, вырастающее в необходимость, т.е. в законы природы, пожалуй, самое важное прозрение современного человека. (449)

И в человеческом существовании незаметные совпадения, давно наметившиеся сцепления обстоятельств, тонкие нити, соединяющие те или другие случайности, вырастают в накрепко спаянную логическую цепь, влекущую за собой попавшие в её орбиту человеческие жизни. Мы, не зная достаточно глубоко причинную связь, не понимая истинных мотивов, называем это судьбой. (450)

Если проследить всю цепь, а затем распутать начальные её нити, можно прийти к некоему отправному моменту, послужившему как бы спусковым крючком или замыкающей кнопкой. Отсюда начинается долгий ряд событий, неизбежно долженствующих сблизить совершенно чужих людей, живущих в разных местах нашей планеты, и заставить их действовать совместно, враждую или дружа, любя или ненавидя, в общих исканиях одной и той же цели. (451)

Слишком сильна у людей жажда чуда, тяга к вере в какого-нибудь пророка. Теперь, когда все убедились в могуществе науки, пророки стали возникать на её почве, а не на религиозной, как раньше. (452)

Пытаясь заменить человека машиной, учёные впали в опасную ошибку и распространили в ноосфере однобокое линейно-логическое мышление, принимаемое за сущность разума. (453)

Можно уничтожить душу, т.е. психическое «я» человека, через ненужное и самовозносящееся умствование. Можно лишить людей нормальных эмоций, любви и психического воспитания и заменить всё это кондиционированием мыслительной машины. Тогда появится много подобных «нелюдей», очень опасных, потому что им будут доверены научные исследования и надзор за настоящими людьми и природой. (454)

Я только искатель научной истины, знающий, что истина зависит от обстоятельств места и времени. (455)

Всё человечество уверилось в могуществе науки, злом или добром – это зависит от нас. (456)

Чтение Восемнадцатое

ВЕЛИКИЙ ПОДВИГ ИСКУССТВА И ХУДОЖНИКА

Человек неукротимо, везде и под любым предлогом стремится утвердить себя с помощью искусства. (457)

Искусство и с ним развитие чувств человека не менее важно для общества, чем наука. (458)

Есть люди, просто любящие искусство и помогающие ему. Те, которым известно, что и одна роза украшает весь сад. (459)

Человеческое сердце всегда остаётся открыто прекрасному, и каждая встреча с ним обновляет вечное бессознательное ожидание нового, ради которого, собственно, и стоит жить. (460)

Для искусства подчас лучше наивность. (461)

Развивать эмоциональную сторону человека стало важнейшим долгом искусства. Только оно владеет силой настройки человеческой психики, её подготовки к восприятию самых сложных впечатлений. (462)

Я полностью старомоден и не выношу гнильцы, привлекающей любителей дичи с тухлятинкой, заплесневелого сыра, порченных людей и некрасивых поступков. Для меня любое произведение искусства, будь то книга, фильм или живопись, не существует, если в нём нет глубоко прочувствованной природы, красивых женщин и доблестных мужчин. (463)

Искусство, по-моему, – отражение борьбы и тревог мира в чувствах людей, иногда иллюстрация жизни, но под контролем общей целесообразности. Эта целесообразность и есть красота, без которой я не вижу счастья и смысла жизни. Иначе искусство легко вырождается в прихотливые выдумки, особенно при недостаточном знании жизни и истории. (464)

Художнику трудно выражать словами или формулами те сложнейшие явления, которые он видит и отбирает из окружающего. (465)

Драгоценная связь с глубиной народного искусства даёт безошибочное чутьё настоящего. (466)

Одно несомненно: настоящее искусство отражает жизнь, само живёт и поднимается к новым высотам только в борьбе против старого. (467)

Древнее искусство для нас должно быть мерой и пробой, а идти нужно своим путём. (468)

Мне всегда хотелось, чтобы путь искусства был в преодолении и изменении мира, а не только его ощущением. (469)

Настоящее искусство – в радостном и простом слиянии с жизнью. Его творения не угнетают и не давят человека, а, наоборот, возвышают. (470)

Надо делать собрав всего себя, всю волю. Таковы были древние мастера, знавшие главный секрет победы – неутолимое и непреклонное желание творить! (471)

Спрос с большого художника, как с героя, не меньше, если он задался созданием великого произведения искусства! (472)

Подвиг великого творчества под силу лишь гигантам искусства. (473)

Ремесленник, изготавливая вещь, думает лишь о её продаже. Художник выполняет поставленную себе задачу. (474)

Каждый человек имеет свои обязанности, соответственно тому, как одарила его судьба. Чем дар выше, тем больше должны быть обязанности. У царя – забота о своих подданных, о процветании своей страны, у художника и поэта – сотворить такое, что доставило бы радость людям. (475)

Часто боги, одаряя художника даром видения и повторения, вкладывают ему нежную, чувствительную душу, отнимая за это часть мужества. (476)

Участвуя в создании тончайших подробностей, утрачиваешь ощущение цельности. (477)

Самый великий подвиг искусства – вырвать прекрасное из жизни, подчас враждебной, хмурой и некрасивой, вложить гигантский труд в создание подлинной, безусловной, каждому понятной, каждого возвышающей красоты. (478)

Мало этого, тебе придётся бороться со всё распространяющимся влиянием бездельников, думающих ловким трюком, фокусом, удивляющей безвкусных глупцов выдумкой подменить настоящее искусство. Они будут отвергать твои искания, глумиться над твоим идеалом. Сами неспособные на подвижнический труд настоящего художника, они будут каждый найденный ими приём, отдельное сочетание двух красок, набор мазков или удачно найденную светотень объявлять открытием, называть элементом мира, не понимая, что в нашем ощущении природы и жизни нет ничего простого. Что везде и во всём – самый сложный узор ткани Майя, что наше чувство красоты уходит в глубину сотен прошедших тысячелетий, в которых формировалась душа человека! Отразить эту сложность может лишь подлинное искусство через великий труд. (479)

Чтение Девятнадцатое

ДЫХАНИЕ БЕЗБРЕЖНОГО ОКЕАНА ВЕЧНОСТИ

Художник, вернее, искусство вообще – всегда и неизбежно отстаёт от стремительного роста знания и техники. (480)

Безобразное отрицание искусства происходит тогда, когда люди, одичав в гонке технических усовершенствований, создают массы вещей, порабошающих ум и сознание человека. (481)

Благородная задача – отстоять культуру от варварства, вооружённого последним словом техники. (482)

Занятым только чистоганом не приходит в голову, что совершенные творения мысли и опыта подобны произведениям искусства и принадлежат, в сущности, всему человечеству как памятники развития его культуры. (483)

Для каждого настоящего художника грубое расхождение окружающей жизни с его идеалами – тайная и никогда не заживающая рана души. (484)

Почему всегда становится страшно за разносторонне совершенных людей? Боги не любят человеческого совершенства. Эта формулировка была известна ещё в глубокой древности и не только в отношении людей, но и предметов искусств. Большинство замечательных творений искусства постигла гибель. (485)

Основа культуры – это понимание меры во всём. (486)

Как правило, в выступлениях нынешних ораторов интересные идеи тонут в массе ненужных фраз. Мысль, как загнанная зверюшка, мечется между словесными нагромождениями пустопорожних фраз, отступлений, реминисценций и схоластики доказательств. (487)

То, что почему-то называют «кратким вступительным словом», – неизменно оказывается потоком никого не интересующих банальностей. Это видно по скучающим лицам присутствующих, по

шуму в зале, который едва покрывается грохотом звукоусилителей, передающих слова бездарного оратора. (488)

Вылавливать мысли в пространных речах – утомительное занятие. (489)

Накалять страсти несдержанной аудитории – это ведёт к утрате разумного и критического восприятия. (490)

Разрыв между нищей жизнью и развлечениями тем страшнее, чем сильнее иллюзия. Обеднение и сужение индивидуальной и общественной жизни человека всё сильнее расходятся с теми нереальными видениями, какими его отуманивают. Искусственное величие, напряжённость, полнота чувств в иллюзиях вызывают расщепление психики между призрачным миром и реальностью жизни. (491)

Важно, чтобы искусство несло утешение, а не развлечение, увлекало на подвиг, а не давало снотворное, не занималось поиском дешёвого рая, не превращалось в наркотик. (492)

Людей надо поднимать над обычным уровнем повседневной жизни. В этом и состоит истинное значение прекрасного, ибо без него нет душевного подъёма. (493)

Нельзя исказить прекрасное. Оно перестанет давать силы и утешение, душевную крепость. Красота преходяща, слишком коротко соприкосновение с ней. Поэтому, переживая утрату, мы глубже понимаем и ценим встреченное, усерднее ищем в жизни прекрасное. Вот почему красива печаль песен, картин и надгробий. (494)

Отзвук общечеловеческой тоски и трагедии при встрече с прекрасным от того, что мы отдаём себе отчёт, как неуловимо оно и как ускользает всё виденное, познанное, созданное нами в быстром полёте времени, над которым нет никакой власти. Пролетают дивные мгновения, проходит мимо красота, которой мало в жизни. И все люди, встречая прекрасное, чувствуют печаль, но это хорошая печаль! Она даёт силу, вызывает желание борьбы, зовёт на подвиг художника – остановить время, задержать красоту в своих творениях. (495)

Гуманистическая идея, способная пройти сквозь века и тысячелетия, делает настоящее искусство бессмертным. (496)

Артисты способны перевоплощаться и этим спасают себя от ударов жизни. (497)

Если не обладать потрясающим, редкостным талантом, какой появляется раз в поколение, путь к вершинам искусства труден и жесток. И пока женщина, даже талантливая, станет выдающейся артисткой, она потеряет так много, что перестанет быть женщиной, а станет только артисткой. Отсюда и поговорка, что талантливые люди бессердечны. (498)

Вся глубина падения общества распознаётся по его отношению к художникам. Общество не понимает, что люди искусства крупными отбоями отбиваются от смерти во времени, у разброса в пространстве красоту, мечту, идеал несостоявшегося, но возможного, слагая лестницу подъёма из инферно, прочь от размытых чувств и мгновенного счастья природы. (499)

Именно в том, чтобы помогать подниматься из инферно, и состоит назначение художника. Без этого есть лишь слепой талант, как бы велик он ни был. (500)

Искусство не может отвращать и порочить! Искусство или торжествует в блеске прекрасного, или тоскует по его утрате и только так! (501)

На художника веет дыхание безбрежного океана вечности. Он понимает, что в этой безвременной дали – только любовь и знание, только радостное и доброе, только чистое и светлое. Всё остальное не уносится вперёд, продолжаясь в вечности, а осаждается в лоне мутной жизни, как в тёмных, полных тлена, тихих заливах моря. (502)

Самое яркое во всей социальной истории земного человечества – неуклонное возрастание взаимопонимания с ростом культуры и широты познаний. Чем выше становится культура, тем легче разным народам и расам понять друг друга, тем ярче светят всем общие цели устройства жизни, яснее необходимость объединения сначала нескольких стран, а затем и всей планеты, всего человечества. (503)

На высшей ступени развития никакого непонимания между мыслящими существами быть не может. (504)

Две разные планеты, достигшие космоса, легче сговорятся, чем два диких народа одной планеты. (505)

Чтение Двадцатое

КАК ВАЖНО ПОНЯТЬ ЗАКОНЫ ПРЕКРАСНОГО!

Сравнивать живопись со скульптурой можно лишь по степени действия на чувства человека. (506)

Стремление к созданию прекрасных форм — вот цель художника. Показать красоту тем, кто не в состоянии уловить её — вот его задача. И что может быть прекраснее, чем тело человека! Но его передать — как раз самое трудное. (507)

В живом и прекрасном теле нет никогда мёртвой неподвижности, есть только покой, т.е. мгновение остановки движения, закончившегося и готового смениться другим, противоположным. Если схватить это мгновение и отразить его в неподвижном камне, тогда мёртвое оживёт. (508)

Для огромного большинства людей красота человеческого тела — это большая радость и духовное наслаждение. (509)

Было ли когда-нибудь, что модель художника не становилась его возлюбленной? И тому ведь есть глубокая причина: чувство красоты накрепко сплетено с чувством любви и страсти. (510)

Если вы, глядя на красоту нагой женщины, видите прежде всего «неприличные места» и их надо от вас закрывать, значит, вы ещё не человек в этом отношении. С такими дикими «художественными вкусами» не следует раскрывать рта. Держите их при себе! (511)

Я хочу сделать так, чтобы как можно больше людей поняли законы прекрасного и приобрели бы настоящий вкус художника! (512)

Создать, проявить, собрать красоту человека — такую, чтоб она была реальной, живой, — это большой подвиг, тяжело. Проще дать общую форму, в ней подчеркнуть, выпятить какие-то отдельные черты, отражающие тему, — ну, гнев, порыв, усилие. Скульпторы идут на намеренное искажение тех или иных пропорций, чтобы тело

приобрело выражение, а не красоту. А изображение прекрасного тела требует огромного вкуса, понимания, опыта и прежде всего мастерства. Оно практически недоступно ремесленничеству, и в этом главная причина его мнимой устарелости. (513)

Новые наши мастера уродуют тело человека в попытке утрировкой, диспропорцией и абсурдным искажением достигнуть выражения хотя бы одного-единственного чувства в форме. Одного – там, где должны быть сотни, да ещё в тысячах оттенков и переходов! (514)

В форму абстрактной живописи или скульптуры облекается множество подделок под искусство в то время, когда множество людей с плохо развитым вкусом, гонится за так называемой модой, т.е. массовыми увлечениями в музыке, одежде, искусстве и даже облике человека. (515)

Важно понять, что дробление и искажение формы, перспективы и цветопереходов представляет собою закономерное в шизоидной психике стремление к извращению окружающей реальности. И вот миллионы нелепейших картин и чудовищных скульптур, больше похожих на обломки утилитарных деталей, заполонило музеи. (516)

Что такое музеи? – бесконечные высокие залы, увешанные картинами от пола до потолка. А сами картины походят одна на другую, изображая тёмными, тусклыми красками людей громадных размеров, почему-то голых, некрасивых, с дряблыми и рыхлыми телами. Эти люди то убивают друг друга, то униженно валяются в ногах у свирепых владык, то объедаются невероятным количеством пищи. Нередко на картинах изображена только одна эта «пища» – отвратительные груды зарезанных животных, рыб, фрукты и хлебы. (517)

Надо различать красоту и красоту. Красивость – это то, что представляется красотой для людей с неразвитым вкусом. (518)

Фальшивый термин «красивость», как всякая полуправда, ещё более лжив, чем прямая ложь. (519)

Красота существует в мире. Но для её понимания нужен развитый вкус, нужно чутьё художника. И его долг выявлять и показывать её людям. (520)

Красота – это не то, что исходит из нас самих, из наших идей и мыслей о том, какими должны быть люди и вещи. Красота существует вне художника и является объективной реальностью. (521)

То, что красота относительна и что задача художника открывать её новые формы, – глубоко ошибочное суждение. Откуда же возьмёт её художник – из собственной души только? Открывать законы красоты во всём бесконечном многообразии вещей и людей, искать то из существующей вне нас объективной реальности, что вызывает в человеке чувство прекрасного – вот формулировка диалектики. (522)

Красота существует как объективная реальность, а не создаётся в мыслях и чувствах человека. Красота – это наивысшая степень целесообразности, степень гармонического соответствия и сочетания противоречивых элементов во всяком устройстве, во всякой вещи, всяком организме. (523)

Каждая красивая линия, форма, сочетание – это целесообразное решение, выработанное природой за миллионы лет естественного отбора или найденное человеком в его поисках прекрасного, т.е. наиболее правильного для данной вещи. Красота и есть та выравнивающая хаос общая закономерность, великая середина в целесообразной универсальности, всесторонне привлекательная, как статуя. (524)

Все вы замечали, но ни с чем не связывали факт, что, например, красота форм, будь то архитектурных, будь то местности какой-нибудь, будь то человеческого тела и так далее, чувствуется и, в общем, одинаково оценивается всеми людьми самых различных категорий, развития и воспитания. А дайте вы проанализировать эту красоту соответствующему специалисту: здание – архитектору, ландшафт – географу, тело – анатому, тот сразу скажет, что красота есть совершенство в исполняемом назначении, совершенство целесообразности, экономии материала, прочности, силы, быстроты. Думаю, что опыт бесчисленных поколений дал нам бессознательное понимание совершенства, воспринимаемого в виде красоты, и это

понятие отпечатывается уже в памяти, – той бессознательной памяти, которая передаётся по наследству из поколения в поколение. (525)

Красота – это правильная линия в единстве и борьбе противоположностей, та самая середина между двумя сторонами всякого явления, всякой вещи, которую видели ещё древние греки и называли *аристон* – наилучшим, считая синонимом этого слова меру, точнее – *чувство меры*. Я представляю себе эту меру чем-то крайне тонким – лезвием бритвы, потому что найти её, осуществить, соблюсти нередко так же трудно, как пройти по лезвию бритвы, почти не видимому из-за чрезвычайной остроты. (526)

Главное, что я хотел сказать, это то, что существует объективная реальность, воспринимаемая нами как безусловная красота. Воспринимаемая каждым, без различия пола, возраста и профессии, образовательного ценза и тому подобных условных делений людей. Есть и другая красота – это уже личные вкусы каждого. Мне кажется, что художники больше всего надеются именно на эту красоту второго рода, пытаясь выдавать её, вольно или невольно, за ту подлинную красоту, которая, собственно, и должна быть целью настоящего художника. Тот, кто владеет ею, становится классиком, гением или как там ещё зовут подобных людей. Он близок и понятен всем и каждому, он действительно является собирателем красоты, исполняя самую великую задачу человечества после того, как оно накормлено, одето и вылечено... даже, и наравне с этими первыми задачами! (527)

Чувство и потребность прекрасного заложены в нас как необходимость. (528)

Красота в самом деле важнее, чем нам кажется. Она счастье и смысл жизни. (529)

Неоспоримо право каждого человека на знание и красоту. (530)

Чтение Двадцать Первое

КРАСОТА ВСЕСТОРОННЯЯ, КРАСОТА – СОВЕРШЕНСТВО

Вот никогда не говори: красота – пустяк. Вовсе она не пустяк, а сила большая, через неё и жизнь в правильное русло устремляется! (531)

Величайшая цель и мечта искусства – отражение природной мощи человека в красоте и силе его тела и души. (532)

Ведь такую красоту увидишь – и смерти бояться перестанешь. (533)

В нашем разобщении с природой мы порядком утратили понимание красоты. (534)

Не впитав в себя великого разнообразия жизни, не научишься понимать красоту. (535)

Наше понятие человеческой красоты и красоты вообще родилось из тысячелетнего опыта – бессознательного восприятия конструктивной целесообразности и совершенства приспособленности к тому или другому действию. Вот почему красивы и могучие машины, и морские волны, и деревья, и лошади, хотя всё это резко отличается от человеческого облика. (536)

Целесообразность это и есть красота. (537)

Неуловимая красота таится повсюду – в изгибе гребня бегущей волны и в развевающихся ветром волосах женщины, в стройных колоннах сосновых стволов и в грозных утёсах, надменно возвышающихся над морем. (538)

Тайна красоты лежит в самой глубине нашего существа, и потому для её разгадки нужна биологическая основа психологии – психофизиология. (539)

Если в душе человека нет того, что горит, влечёт и тревожит, то ему бесполезно говорить о Красоте. Ничего из ничего не пробудится. Все слова и объяснения падают в пустоту, в провал души, и он не изменится до следующих воплощений. (540)

Надо говорить с теми, в ком есть непробуждённое богатство, – тогда придёт отклик. Подумай, прошли тысячелетия, а бесчувственные невежды не прибавили ничего к древнему пониманию красоты и страсти, не осветили эти тайные глубины огнём подлинного знания. Проповедуемое ими искусство даёт нам все оттенки мелких чувствований, которые рождаются по пустякам и умирают в непонимании законов любви и красоты. Кто бы они ни были, не слушай их. Их мнимое знание – на деле позорная слепота прошлого, родившаяся в душной и тесной жизни, рабски склонившейся перед опасностью и трудами познания! (541)

Плохо идут дела в государстве, если его покидает красота. Красота женщин, искусства, ремесёл. (542)

Человек искусства должен обладать совестью и вкусом настолько, чтобы видеть цель и грань дозволенного. Можно показать женщину совершенно обнажённой и в то же время кристально чистой и благородно прекрасной. Можно изобразить страсть так, что в ней не будет ничего аморального. (543)

Все фотографии красивых моделей знают, что полная нагота не имеет полового призыва. Чтобы получить его, надо искусно полураздеть женщину. Без этого снимок не будет иметь успеха. (544)

Красивая женщина стоит как бы на черте, за которой лежит запретная область. Тысячелетия эта женская тайна обещала гораздо больше, чем давала, и всё же оставалась привлекательной даже для испытанных людей. (545)

Есть немало людей, у которых красота вызывает неосознанную злобу, те стремятся оскорбить и унижить красивую девушку, бросить вслед грубое слово. (546)

Есть люди, которые считают, что оскорбительно быть человеком, потому что имеются кишки, а с ними известные необходимые отправления и надо есть каждый день. (547)

Произведения искусства в повреждённой психике вызывают такую же ярость, как, например, обнажённые изваяния, женская красота или танцы. Чувство своей неполноценности, ущербности и неодолимое желание компенсации, торжества – параноидальный комплекс. (548)

«Beauté du diable» – так французы называют момент, когда девушка впервые расцветает свежей и юной красотой. Большею частью это случается в восемнадцать лет. Такая красота действует на мужчин, особенно пожилых, неотразимо, вероятно, потому и возникло её название в эпоху средневековья. (549)

Ничего нет в мире неуловимее женской красоты. Красота ускользает, как черта горизонта. Стремиться к ней – это безнадёжная борьба, вести которую обречены лишь поэты и художники. (550)

Всё наше чувство прекрасного, эстетическое удовольствие и хороший вкус – всё это освоенный подсознанием опыт жизни миллиардов предыдущих поколений, направленный к выбору наиболее совершенно устроенного, универсального, выгодного для борьбы за существование и продолжение рода. В этом сущность красоты, прежде всего человеческой или животной, так как она легче расшифровывается, чем совершенство линий волны, пропорций здания или гармонии звуков. (551)

В красавице заостряется и делается подчёркнутым всё привлекательное. (552)

Пусть та или иная красивая женщина не обманывает себя: она, бесспорно, красива, но прекраснее всех она быть не может, как и никто во вселенной. Оттенки красоты бесконечно различны – в этом богатство мира. (553)

Красота – это физическая целесообразность. (554)

Совмещение низкой души и совершенного тела извечно удивляло чутких к красоте людей. (555)

Тонкая, гибкая талия есть анатомическая компенсация широких бёдер для подвижности и гибкости всего тела. (556)

В свободных и гибких движениях сильное тело приобретает ту независимость, без которой подчас трудно живётся женщинам. Физическая красота девушки сливается с её душевной сущностью, растворяется в ней, странным образом теряя свой вызывающий оттенок. (557)

Красота всесторонняя, с какой стороны, и с каким настроением, и кто угодно ни смотри, всё будет ладно. (558)

Красота рождается в трудных условиях жизни. (559)

Красота встаёт из сочетания осознанной силы души и тела. (560)

Теперь уже совершенно ясно, что ощущения красоты заложены в глубинах нашего существа. Надо идти дальше и установить причинные закономерности, по которым определённые формы, линии, краски отражаются в нашем сознании «красой ненаглядной». И если говорить о человеческой красоте, то никак нельзя отрывать её от чувства страсти, потому что её первоначальная цель — это быть компасом в поиске совершенного, наилучшего для продолжения рода! (561)

Чтение Двадцать Второе

КРАСОТА – РЫЧАГ ВОЗВЫШЕНИЯ ДУШИ

Безрезультатны попытки найти объяснение красоты вне человека. (562)

Но как мало надо человеку со здоровой психикой и телом: чуть повеяло ветром надежды на хорошее, едва соприкоснулся с прекрасным – и возрождается неуёмная сила искания и творчества, желание делать что-то хорошее и полезное, оказывать людям помощь. Вот в чём величайшая сила красоты! (563)

Только красота может поддержать нас в жизни, утешить в усталости и неудачах, смягчить жестокость познания и победы. (564)

Красота – единственное, что привязывает людей к жизни и заставляет её ценить, бороться с её невзгодами, болезнями и опасностями. Людям, разрушающим, искажающим или осмеивающим красоту, нельзя жить. Их надо уничтожать, как бешеных собак – носителей неизлечимого яда. И художники – волшебники, воплощающие прекрасное, – отвечают особенно строго, строже обычных смертных, не видящих, ибо они зрячие. (565)

Надо не только научиться видеть красоту. Необходимо, чтобы и тело перестало быть неприличным, а это возможно только тогда, когда оно привыкнет быть открытым. (566)

Эстетическое удовольствие, чувство красоты сильнее от женского тела у мужчины, чем у женщины – от мужского. (567)

Прекрасное всегда более закончено в женщине и отточено сильнее по законам физиологии. (568)

Эротическая культура – это когда люди привыкли к открытому телу женщины и научились видеть в нём красоту, а не только обозревать какие-то отдельные его части возбуждающие похоть. (569)

Решительно все виды чувств, доставляющие нам ощущение красоты, в своей основе имеют важное и благоприятное для нашего организма значение, будь то сочетание звуков, красок или запахов. Что линии, которые мы воспринимаем красивыми, гармоническими, построены по строгим математическим закономерностям, – это уж бесспорно. (570)

Вторая главная ступень красоты – гармоническое разрешение, казалось бы, губительных противоречий, разрешение, доведённое до той единственной совершенной возможности, которая, как лезвие бритвы, как остриё стрелки, качается между противоположностями. Путь нашего познания прекрасного, поисков его везде и всюду, видимо, лежит через поиски этой тонкой линии, сформировавшейся за долгую историю и означающей совершенство в многостороннем преодолении величайших затруднений существования в природе живого мыслящего существа – человека. (571)

Трудна судьба Красоты Ненаглядной в нашем жестоком мире!
(572)

Чем умнее и красивее была женщина, тем больше у неё шансов погибнуть в страшных церковных застенках, ибо красота и ум всегда привлекают внимание, всегда выделяются и падают жертвой злобы, вызываемой ими в низких душах доносчиков и палачей. (573)

Человеку почти невозможно быть очень красивым и очень счастливым. (574)

Преступление дельцов от искусства в спекуляции на самом лучшем в жизни – на красоте, которая облагораживает и возвышает нас, людей, украшает нашу далеко не весёлую жизнь. А гнусные дельцы, вместо того чтобы учить понимать и ценить её, учат, как втоптывать её в грязь, как видеть за ней лишь животные чувства самца и самки. (575)

Великие боги! Красота – это средство, данное человеку, чтобы возвыситься и отойти от животного, цель, куда стремиться в жизни. А мерзавцы пользуются ею по изученным ими законам, не возвышая, а принижая и деморализуя людей. (576)

Дельцы ещё хуже, чем политики! Те лгут и обманывают нас словами, выворачивая все понятия долга, чести, свободы и права на

пользу своей группировки, так что у обыкновенного человека голова идёт кругом. Убедившись в обмане, он перестаёт верить словам. Но слова – ещё полбеды. Дельцы от искусства подрывают веру в красоту, а это страшная беда для будущего, для тех, кто пойдёт по жизни уже смолodu отравленным их змеиными произведениями! (577)

Нельзя разрешить чистого и здорового эротизма потому, что дельцы от искусства моментально перевернут его в грязное потаканье низменным инстинктам. И опомниться не успеешь! Именно эти дельцы порождают цензуру и мешают развитию нормального отношения к красоте человеческого тела и половой морали. (578)

Красота и смерть всегда вместе, с тех пор как живёт человек. Смерть или для того, у кого красота, или тому, кто берёт её, или обоим вместе. (579)

Насколько же ещё плоха наша жизнь, если сочетание красоты телесной и духовной, о котором так мечтали в Древней Элладe, смертельно опасно для её обладателей. А в то же время самая явная односторонность, даже дикая фанатическая узость параноиков ведёт их к успехам в жизни и к верхушкам общества и власти. Есть в основе нашей европейской цивилизации что-то болезненно неправильное! (580)

Познай глубину своего сердца! (581)

Могуча сила привязанности души к душе. (582)

Человек поднялся до настоящей любви, но у нас продолжают считать попещерному, что любовь – только страсть, а страсть только половое соединение. Надо ли говорить вам, насколько истинная влюблённость богаче, ярче, продолжительнее? То великое соответствие всем стремлениям, вкусам, мечтам, что можно назвать любовью, не находится легко и просто. Любовь – священное слово, означающее чувство очень объемлющее и многогранное. (583)

Любовь и размышление не исключают друг друга. Настоящая любовь наступает только после размышления. (584)

Глаза любимой женщины сияют, как звёзды, потому что глубокая даль виднеется в их блеске, так же как и звёзды неба сразу отличаются от всех других огоньков тем, что светят из бездонных глубин пространства. (585)

Никогда любящее сердце не привыкнет! Только научится терпеть и ждать. (586)

Большая любовь – это всегда ответственность и забота, защита и опасение, думы о том, как устроить и облегчить жизнь для самого дорогого в мире существа. (587)

Красота и желание женщин вызывают свинство лишь в психике тех, кто не поднялся в своих сексуальных чувствах выше животного. (588)

Психоанализ годен лишь на то, чтобы служить утешением психопатам, неполноценным в половом отношении людям, а также средством к существованию огромного числа «врачей»-психоаналитиков. (589)

Ханжество, непонятный нормальному человеку испуг перед женской красотой и смелостью – это пережиток церковного отношения к женщине как к ведьме, злему началу... союзнице дьявола. (590)

Как можно считать нечистой страсть, естественную, как сама жизнь, в пламени которой рождаются будущие поколения? (591)

Эротика – естественное влечение к красоте и совершенству. (592)

Наверное, от монголов-завоевателей пришла к нам эта нездоровая стыдливость, когда женщина уродливо сгибает плечи и старается спрятать грудь. Может быть, стыдливость эта была необходимостью во время татарского ига, когда прекрасные девушки портили свою красоту, выходя из дому, чтобы не попасть в наложницы победителей. Ведь немного больше века тому назад во всей России для женщин считалось неприличным показывать волосы из-под головного убора или платка. Ещё одно природное украшение женщины кто-то сделал постыдным. Продолжают бытовать слова,

хотя мы уже не понимаем их значения, вроде «опростоволосилась».
(593)

Нет тайны и недостойного в здоровом теле женщины, разве
лишь для глупцов. (594)

Чтение Двадцать Третье

СВЯЩЕННЫЙ ОГОНЬ ЛЮБВИ

Власть над желанием не приводит к утрате сексуальных ощущений, а, наоборот, высотам страсти. Насколько она ярче и сильнее, если не волочиться на её поводу. (595)

Древние цивилизации Средиземноморья, так же как и Индии, сумели справиться с силой пола, внедрив половую любовь в религию, философию, празднества, литературу и поэзию, не говоря уже об изобразительном искусстве. В этом их культура достигла высоты, не сравненной со всеми другими, потому что понимание Эроса охватило массы народа. (596)

Рядом с великой любовью всегда тянется чёрная бездна. Очень верен образ звезды, упавшей во мрак. Это немилосердная несправедливость жизни в нашем мире. (597)

Мимолётность надежд, любви и счастья, вместо того чтобы ослаблять, усиливает чувство. (598)

Человек озаряется и возвеличивается светом и теплом большой любви, но одновременно появляется чувство бездны, потери. Не страх, он более конкретен и узок, а нечто гораздо большее, паника чудовищной утраты смысла всей жизни, когда впереди останется лишь непроглядная тьма. (599)

Если человек совместил в себе глубину чувств и «никогда», не удивляйтесь его печали! (600)

Подвиг тем труднее, чем больше любовь. (601)

Рану сердца надо лечить немедленно, ибо далеки и неожиданны последствия. (602)

Любовь сильных и здоровых людей должна быть легка и светла. В ней ничего не искажается и не подавляется. А если проходит, то тоже без «самораздирательства», без мрака и безысходности. (603)

Нет ничего унижительнее и противнее для мужчины, чем женщина, требующая от него невозможного. (604)

Женщина женщине всегда враг, пока не состарится. (605)

Мне кажется, лучшим подарком, какой женщина может сделать любимому, будет создать его заново и тем продлить существование своего героя. Ведь это почти бессмертие! (606)

Есть закон, ныне забытый: чем сильнее страсть родителей, тем красивее и здоровее дети. У кого из сочетающихся страсть сильнее, того пола и будет ребёнок. (607)

Мужчины, несмотря на все свои умения и силу, никогда не становятся взрослыми до конца. И значение женщины в том, чтобы охранять их и руководить ими, спасая от крушения надежд и неразумных поступков. (608)

Женщины должны украшать существование мужчин, но оне слишком мало *обращают на себя внимания* – в истинном смысле этих слов. Здоровье, гибкость, точность и быстрота движений, гордая, прямая осанка несравненно очаровательнее одного лишь красивого лица. (609)

Не нужно сложных портновских ухищрений, которые так любят женщины и которые отнимают так много времени. Простое платье, облегающее правильную и сильную фигуру, гораздо лучше. (610)

Нелепая причёска и неизящное платье исказят самую несомненную красоту. (611)

Женщины, наделённые большим вкусом, строгим изяществом и умом, не следуют рабски моде и никогда не выглядят чуть комически, какой кажется даже очень красивая, но слишком модно одетая женщина. (612)

Настоящую женщину можно сразу узнать по её непокорности модному стандарту, она носит лишь то, что ей идёт. (613)

Нельзя хозяйке принимать гостей чересчур нарядной – вдруг гости придут одетые скромно. (614)

Та, которая родилась быть музой, но вынуждена быть домашней хозяйкой, всегда живёт под искушением самоубийства. (615)

Женщина хотя и не поэт сама, но Муза. (616)

Любить красавиц – нелёгкое дело. Надо потерпеть и пострадать. (617)

Странно, но если мужчина уж чересчур, до сентиментальности любит каких-нибудь зверей или домашних животных, он зачастую эгоист, жесток или нечист совестью! (618)

Умеренно образованной, обыкновенной женщине радость тренированного, гибкого и сильного тела, что скрывать, нередко кажется стоящей многих серьёзных книг. (619)

Порабощение женщины неизбежно влечёт за собой рождение рабских душ и у мужчин. (620)

Никакой трагедии у женщины я не вижу. Наоборот, во многом мы, мужчины, можем ей позавидовать. Разность полов существует совершенно реально, и с ней нельзя не считаться – вот тут и есть корень всех недоразумений. Не надо требовать от женщины того, чего она не может или что ей вредно, а во всём остальном она вряд ли уступит мужчине в наше время, когда ей открыты сотни профессий и в том числе наука. (621)

Женская интуиция и есть инстинктивная оценка мудростью опыта прошлых поколений, потому что у женщины её вдвое больше, чем у мужчины. (622)

Женщины знают, как хрупка жизнь, как близка смерть, а мужчины мечтают о бессмертии и убивают без конца по всякому поводу. (623)

Устроенная мужчинами культура даже в своих высших формах кое в чём грешит против женщин... даже теперь! (624)

Страх одиночества самый сильный у женщин. Сколько хороших девушек поспешили из-за него выскочить замуж за первого попавшегося и до сих пор расплачиваются за эту поспешность. (625)

Конечно, было бы лучше, если б девочкам с детства преподавали науку жизни и любви. Оне могли бы лучше выбирать, распознавая настоящее. Им просто были бы смешны избитые приёмы «покорителей сердец». Болтовня об одиночестве, непонятой душе, претензия на загадочность, ложь о потрясающих похождениях. Сказки о пылкой любви, сочинённые ещё во времена Древнего Египта и пересказывающиеся на разные лады на всех языках мира. И главное: точный расчёт на самую слабую струну женской души – жалость. Уместная, тактичная жалоба испортила больше женских жизней, чем все другие мужские хитрости. (626)

Если благодаря разуму человек сумел превратить простое влечение животного в священный огонь любви, то неизбежна и следующая ступень восхождения. Непонятная и мучительная страсть тела станет сознательным царственным наслаждением в поклонении красоте. Часы и дни бытия сделаются безмерно богаче тысячами её проявлений в образе любимых, в изгибах тела, взмахе ресниц, блеске глаз. И сама страсть, пришедшая через прекрасное, станет восхитительным даром природы, обостряющим чувства, возвышающим душу. (627)

Чтение Двадцать Четвёртое

МУЗЫКА И СЛОВО – ДВА КРЫЛА ДУШИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ

Быть выраженным отвлечённо искусство не может, кроме музыки, занимающей особое место и также по-своему вполне конкретной. (628)

Музыка – дело тонкое, подготавливаться к ней надо постепенно, в зависимости от способностей и вкусов, а родители и учителя иногда этого не смыслят. И вбивают неумелым подходом отвращение к отраде жизни. (629)

Я всегда убегаю слушать музыку, если на душе нелегко. (630)

Люди излечиваются от тревоги и гнева песней и танцами, ничего не зная о сущности их. (631)

Утешительная песня всегда грустная. Этого порой не понимают и стараются развлечь печального и усталого человека бодрым криком, разухабистой ритмикой, тем, что называют «весёлыми» песнями. Бодряк, всё равно где – в жизни, в кино, в книге, в песне – почему-то всегда оставляет впечатление слегка придурковатого. (632)

Русские песни соответствовали спокойствию и терпеливости народа, давая в грустных напевах нужную психологическую разрядку. А теперешние, наскоро сфабрикованные, песенки лишь усугубляют то мятуче-трясучее настроение, в каком пребывает часть молодёжи. (633)

Все эти попрыгушки отталкивают слушателя и раздражают его. А грустная песня, настроенная в унисон с состоянием, смягчит раздражение или обиду, оттенит печаль и заставит человека устремиться снова к свету и радости. (634)

Уверяю вас, что в жизни гораздо чаще встречается невозможное, чем в книгах. Писатели боятся, что их обвинят в грубой выдумке! Сочинительство стало немодным. Требуется правда

жизни, а эта правда получается неверной, потому что жизнь осторожности не знает. (635)

Через поэтов-художников муза не должна давать ручью знания превратиться в мёртвое болото. (636)

Чем невероятнее и чудеснее встреченная в жизни случайность, тем труднее убедительно рассказать о ней. (637)

Мы ещё мало понимаем значение первой встречи с серьёзной книгой, она определяет многое в последующей жизни. (638)

Предание гласит, что из пены морской и звёздного света родилась Афродита, богиня любви и красоты. Фантастика должна стать Афродитой, но если свет звёздного неба не достигнет её, пена осядет на берег грязным пятном. (639)

Я смотрю на эти звёздные миры, тоскуя, взволнованный смутным предчувствием грядущей великой судьбы человеческого рода. Великой, да, когда удастся справиться с тёмными звериными силами, ещё властвующими на земле, тупо, поскотски разрушающими, уничтожающими драгоценные завоевания человеческой мысли и мечты. (640)

Человеческий ум не может опустить свои мощные крылья перед непостижимым. Эта непреклонность перед самыми трудными задачами, протест против слепой веры и есть самая замечательная черта человеческого ума. (641)

Хороший писатель не может не быть добрым человеком. (642)

В новейшей литературе пишут гораздо больше о плохом, чем о хорошем. Слово о злом и тёмном несёт больше информации, чем о хорошем и светлом, потому что повседневный опыт количественно набирает больше плохого. По той же причине легче верят плохому и злему: зло убедительнее, зримее, больше действует на воображение. (643)

Фильмы и книги больше говорят о жестокостях, убийствах, насилиях, чем о добре и красоте ещё и потому, что эти последние труднее описывать из-за бедности слов, касающихся любви и прекрасного. (644)

Истинное творчество всегда глубоко оригинально, органично, неувядаемо. Настоящий писатель как бы рассыпает по своим сочинениям сверкающие жемчужины идей: «Пожалуйста, современники и потомки, берите! Пользуйтесь на здоровье! Будьте творцами, а не эпигонами!» (645)

Язык – одно из самых логических построений человеческой мысли. Словами можно играть, доказывая всё, что угодно, и можно подобрать математические доказательства чего угодно. (646)

Язык меняется тем сильнее и скорее, чем быстрее идёт изменение человеческих отношений и представлений о мире. (647)

Чем ниже уровень культуры, тем сильнее сказывается прагматическая узость каждого словесного понятия, дробящегося на мелкие оттенки, вместо всеобщего понимания. Например, слово «любовь» у нас может означать и светлое и гнуснейшее дело. (648)

Придворные воспеватели делают человеческие чувства и слова орудием бесстыдного подхалимства. (649)

Самые выразительные слова и заманчивые идеи превратились в пустые заклинания, не имеющие силы. Ещё хуже слова-оборотни, в привычное и привлекательное звучание которых исподволь вложен извращённый смысл. (650)

Ругань – это слова на низком уровне развития психики, считающиеся оскорбительными для тех, кому адресованы. (651)

Всякое враждебное мнение утрировано. Мы автоматически утрируем то, что нам не нравится, но мало кто это понимает. Иначе меньше было бы внимания тому худому, что говорят про людей. Не знаю, замечали ли вы, что плохое мнение всегда представляется нам весомее хорошего, хотя бы к тому не было ни малейшего основания. (652)

Попытка перебить собеседника – вот что достойно считаться величайшей невежливостью. (653)

Привычка говорить во что бы то ни стало объясняется просто желанием утвердить перед другими свою личность. Кроме того,

извергая потоки слов, человек получает психологическую разрядку, необходимую в этом мире постоянного угнетения и раздражения. (654)

Формулировки всегда кажутся резкими при разнице в интеллектуальном восприятии. (655)

Чем детальнее разбирать вопрос, тем больше возникает побочных проблем. А потому едва ли стоит слишком увлекаться дискуссиями и жертвовать для них чем-то понастоящему полезным и приятным. (656)

Мы много говорим о спорах. «Надо спорить, спорное утверждение, пьеса, книга» – встречается на каждом шагу. Но как-то забывают, что словесный спор – это всего лишь схоластика, не более. Единственный серьёзный и реальный спор – делом, не словами. Спорный опыт – поставьте другой, спорная книга – напишите другую, с других позиций, спорная теория – создайте другую. Причём по тем же самым вопросам и предметам, не иначе. Я вот не хочу спорить, я просто работаю. (657)

Телефонных разговоров я очень не люблю и пользуюсь этим прибором только в самых крайних случаях. (658)

Поэт всегда должен быть впереди, в этом его сущность. Если нечто ещё могучее перезрело, омертвело – его надо разрушить, и поэт становится разрушителем, направляет сюда удар осмеяния. Если что-то милое ещё слабо, не окрепло или даже уничтожено – его надо создать вновь, влить в него силу. Тут поэт – мечтатель, восхвалитель и творец! Потому у него постоянно два лица, ещё лучше, если три, как у Музы. Но горе ему и людям, если только одно. Тогда он сеятель вреда и отравы. (659)

Быть поэтом, любить поэта или смеяться над ним – всё одинаково губительно. (660)

Любовь к женщинам и поэзия – скверная комбинация для того, чтобы преуспеть в жизни. (661)

В этом необустроенном мире доброта и красота, не используемые для себя, справедливый ум и поиски правды, попытки жить поиному, чем другие, подчиняющиеся угнетению или

обманутые, ведут к мучительной жизни, а все эти качества, соединённые вместе, — к неизбежной и скорой гибели. (662)

Чтение Двадцать Пятое

СОХРАНИМ РАДОСТЬ!

Непоправимое всегда наиболее трудно даётся смирению человека. (663)

Неустроенность жизни влечёт за собой разнообразие случайностей. Воля и сила человека высекают из этой жизни вспышки романтических радостей, как искры из серого камня. (664)

Психика утомляется и тупеет в однообразии впечатлений. (665)

Беды нет только разве у полных идиотов. Есть такие – всем довольны... (666)

Впрочем, какое утешение в этих пустых «если»? (667)

Многим свойственная ошибка – считать, что раны души заживают одновременно с телесными повреждениями. Совсем не так! Долго-долго остаётся ещё рана психики, глубоко скрытая под здоровым физическим телом, и может открыться неожиданно, иногда от совсем незначительной причины. (668)

Период спокойной грусти – может быть, это одно из лучших состояний человека. (669)

Я не отдам своего богатства чувств, как бы они ни заставляли меня страдать. Страдание, если оно не выше сил, ведёт к пониманию, понимание – к любви – так замыкается круг. (670)

Не спи! Равнодушие – победа энтропии чёрной! (671)

Успокаивающие средства, примиряющие людей с недостатками жизни, подобны косе, срезающей под корень всё: цветы и сорняки, хорошее и плохое. Наука, видящая свою цель в создании подобных средств, направлена на подавление внутренней свободы в целях поверхностной стандартизации индивидов, т.е. создания толпы. Как же можно отобрать прекрасное и сплести из

него гирлянды человеческих судеб, помогать людям находить и ценить всё светлое в жизни, если вы глушите эмоции, уничтожаете душу? (672)

Не обращайтесь внимания на спады после взлётов души, потому что это такие же закономерные повороты спирали движения, как и во всей остальной материи. (673)

Некоторый аскетизм не такое уж страшное зло, как многим кажется. Человек должен самоограничивать себя. (674)

Дело в не в том, чтобы насытить мир предметами роскоши, но в том, чтобы переводить потребности человека на всё более и более высокую духовную ступень. Чтобы он мог легко обойтись без модной побрякушки, без тряпья, без изысканных коктейлей, но чтобы он задыхался от жажды воплотить в образы слова, звуки, краски. От жажды творчества. (675)

Это проблема двусторонняя: мы должны наращивать аскетизм по мелким потребностям и наращивать потребности в более высоком, я бы сказал, высшем плане. (676)

Кто же наказывает за шутку? Не принимайте её всерьёз, не будьте так мелочно обидчивы. (677)

Самое трудное на земле – это сохранять радость. (678)

Получить лучшее, создать совершенство природа может лишь через бой, убийство, смерть детей и слабых, т.е. через страдание, наращивая его по мере усложнения и усовершенствования живых существ. (679)

Не бойся страдания. Ты обладаешь сильной душой, а потому и страдаешь сильнее других и стараешься всячески избежать этого. Но страдание ведёт к высотам, и весь мир благодаря ему становится лучше. Только, как и всё в жизни, страдание должно иметь меру, иначе оно обратится гибелью души и станет источником зла. (680)

Сейчас нет меры страдания в этом мире – если бы ты зачерпнул чувства живущих в этом городе людей, то поднял бы к небу полную чашу человеческого горя. Если бы учесть и сложить горести и радости всего человечества, то получился бы итог

настолько печальный, что молодой и сильный человек даже не смог бы в него поверить! (681)

Необходимо утверждать право человека на радость. Чувство радости сейчас реже других чувств приходит к людям. Тем более, что человеческая радость иной раз зависит от совершенно необъяснимых на первый взгляд причин. (682)

Когда уверенная радость жизни владеет человеком, он почти забывает про усталость и недовольство. Тело, как это и должно быть у всякого вполне здорового человека, не существует для него, ничем не давая знать о себе, кроме наслаждения избытком жизненной энергии. (683)

Радость и сила считаются особым даром судьбы, милостью богов. А на самом деле они лежат в основе здоровой человеческой души, возникают в человеке. Следовательно, он сам дарит себя этими благами. (684)

Чтение Двадцать Шестое

МНОГО СИДЕТЬ – МАЛО ЖИТЬ

Простая жизнь? Её нет, мы только по невежеству думаем, что она проста, и постоянно расплачиваемся за это. Очень сложна, трудна и интересна жизнь! (685)

Прогрессивный путь человечества заключается в возвращении к первоначальному здоровью, но без прежней зависимости от безжалостной природы. (686)

Горе-философы, мечтающие о возвращении назад, к первобытной природе, не понимают и не любят природу понастоящему, иначе они знали бы её беспощадную жестокость и неизбежное уничтожение всего не подчинившегося её законам. (687)

Природа выходит из своих тупиков самыми безжалостными путями. Канныбализм перестаёт быть запретным при низком развитии эмоций и интеллекта, когда приказ голодного тела затемняет чувства и парализует волю. (688)

Пока природа держит нас в безвыходности инферно, в то же время поднимая из него эволюцией, она идёт сатанинским путём безжалостной жестокости. И когда мы призываем к возвращению в природу, ко всем её чудесным приманкам красоты и лживой свободы, мы забываем, что под каждым, под каждым цветком скрывается змея. Но, бросаясь в другую крайность, мы забываем, что человек – часть природы. Он должен иметь её вокруг себя и не нарушать своей природной структуры, иначе потеряет всё, став безымянным механизмом, способным на любое сатанинское действие. К истине можно пройти по острию между этими двумя ложными путями. (689)

Мать-природа ничего не даёт своим детям без того, чтобы что-то не взять взамен, – этот важнейший закон мы, защищённые цивилизованными условиями жизни, плохо понимаем. (690)

Люди приобретают всё большую власть над природой, забывая о необходимости воспитания и переделки самого человека, часто

недалеко ушедшего от своих предков по уровню общественного сознания. (691)

В современном мире слишком много сидят. Человек – бегун и путешественник по природе – прочно уселся за столы или в кресла транспортных машин, отяжелив тело и разум. (692)

Наше чудесное человеческое тело заслуживает лучшего, чем сидение в креслах и нажатие кнопок. Наши руки – самые лучшие из инструментов, созданных природой или человеком, – просят искусной работы, чтобы получить истинное удовлетворение. (693)

Близоруко ошибаются те, кто торжествует, побеждая отдельные проявления болезней с помощью средств химии, ежегодно создающей тысячи новых, по существу обманных лекарств. Отбивая мелкие вылазки природы, учёные проглядели массовые последствия. Подавляя болезни, но не исцеляя заболевших, они породили чудовищное количество аллергий и распространили самую страшную их разновидность – раковые заболевания. (694)

Аллергии возникают и из-за так называемого иммунного перенапряжения, которому люди подвергаются в тесноте жилищ, школ, магазинов и зрелищ, а также вследствие постоянного переноса быстрым авиатранспортом новых штаммов микробов и вирусов из одного конца планеты в другой. В этих условиях бактериальные фильтры, выработанные организмом в биологической эволюции, становятся своей противоположностью, воротами инфекции, как, например, миндалины горла, синусы лица или лимфатические узлы. (695)

Утрата меры в использовании лекарств и хирургии вредит охранительным устройствам организма, подобно тому как безмерное употребление власти сокрушает охранительные устройства общества – закон и мораль. (696)

Нагнетание угрозы тотальной войны как приём политической агитации, постоянное напоминание об этом в газетах, радио, телевидении способствуют психозам молодой части населения – противоречивым стремлениям скорее испытать все радости жизни и уйти от её реальности. (697)

Насыщенность развлечениями, накал искусственных переживаний создают своеобразный «перегрев» психики. Люди всё упорнее мечтают уйти в другую жизнь, к простым радостям бытия предков, к их наивной вере в ритуалы и тайны. (698)

Машины, благоустройство жилищ, техника быта существенно изменили нормальную физическую нагрузку людей. Но медицина продолжает пользоваться опытом, накопленным в совершенно иных условиях жизни. (699)

Общее ослабление организма, мышечной, связочной и скелетной систем ведёт, несмотря на отсутствие тяжёлой работы, к массовому развитию грыж, плоскостопия, близорукости, учащению переломов, расширению вен, геморрою, разрастанию полипов и слабости сфинктеров с ухудшением пищеварения и частыми явлениями аппендицита. Множество дефектов кожи обязано плохому обмену веществ. (700)

Важнейшая сторона воспитания – это развитие острого восприятия природы и тонкого с ней общения. Притупление внимания к природе – это, собственно, остановка развития человека, так как, разучаясь наблюдать, человек теряет способность обобщать. (701)

Мы можем хорошо знать природу и любить, но не верить ей. Скрытое в природе проходит мимо нашего сознания, притуплённого укоренившимися привычками, и лишь в редкие минуты жизни раскрывается с настоящей остротой. (702)

Природа безмерно богаче всех наших представлений о ней, но познание её никогда не даётся даром. В тесном общении, в постоянной борьбе с природой человек подходит вплотную к её скрытым тайнам. Но и тогда нужно, чтобы душа была ясной и чистой, подобно тонко настроенному музыкальному инструменту, и она отзовется на звучание природы. (703)

Те, кто всю жизнь проводит в городах или на курортах, всегда под защитой крыши, стен, света и тепла, даже не представляют, как необъятен ночной простор степи и тайги, как опасен каждый шаг в тёмных горах, как грозно ревут волны во время бури в открытом море или когда река, стиснутая ущельями, бешено хлещет пенными струями о камни порогов. (704)

Где-то глубоко в душе человека за ту сотню тысяч лет, в которую огонь был его главным прибежищем и спасением, осталось неистребимое чувство уюта и покоя, порождаемое огнём в часы, когда холод и темнота окружали человека. (705)

Мы представляем науку как необъятную работу, устремляющуюся вдаль на миллиарды парсеков и в будущие поколения на тысячи веков. Так сложна и загадочна вселенная, что с прошедшими тысячелетиями развития науки мы утратили заносчивость древних учёных и приучились к скромности. Одно из основных положений, которому мы учим наших детей, гласит: «Мы знаем лишь ничтожную часть из того, что нам следует знать». (706)

Природа, в которой мы живём и частью которой мы являемся, формировалась сотни миллионов лет, через историческую смену уравновешенных систем. В её настоящем виде эта сложность настолько велика и глубока, что мы не можем играть с природой, пользуясь весьма ограниченными научными данными. Выигрыш будет очень редок, случаен, а проигрышей – без числа. (707)

Когда человек неумело проявляет мнимую власть над природой, он разрушает внутреннюю гармонию, добытую ценой квадрионов жертв на алтаре жизни. Когда мы поймём, что васильки и пшеница составляют единство, тогда мы возьмём наследие природы в добрые, понимающие ладони. (708)

Сильная деятельность разума требует могучего тела, полного жизненной энергии, но это же тело порождает сильные эмоции. (709)

Надо научиться быть хозяином своего тела, не подавляя желаний и не подчиняясь им до распущенности. (710)

Психика в организме человека, и здорового и больного, играет куда более важную роль, чем то обыкновенно полагают. Человеческий организм является настолько сложной биологической машиной, что прежняя медицинская анатомия и физиология, в сущности, едва наметили грубые очертания этого невероятно сложного устройства. (711)

Красота человека заслуживает особого внимания. Необходимо добиться научного понимания законов прекрасного, хотя бы того, что

выражено в человеческом теле. И ещё более важно понять законы, по которым древние инстинкты, с одной стороны, и общественные предрассудки – с другой, преломляясь в психике, влияют на физиологию. А отсюда уже рукой подать до представления о необходимости психофизиологии, как серьёзной науки именно для человека – мыслящего существа. До сей же поры вся медицина существенно не отличалась от ветеринарии, т.е. медицины для животных. (712)

Чтение Двадцать Седьмое

НАУЧИТЬСЯ БЫТЬ ХОЗЯИНОМ СВОЕГО ТЕЛА

Человеческая психика устроена так, что не приспособлена к длительному возбуждению и многократному повторению возбуждения – это защита от быстрого износа нервной системы. (713)

Психическая тренировка человека, призванного служить своим телом искусству или спорту, не менее важна, чем всякая другая. Как много талантливых людей не смогли добиться настоящего успеха из-за того, что их нервная система в самый ответственный момент как бы цепенела, лишалась той точнейшей, поистине музыкальной, координации, которая нужна каждому, кто превращает своё тело в инструмент для выражения чувств, выносливости или силы. (714)

Крепкая нервная организация может быть только на основе полного здоровья, физической крепости и выносливости всего тела. Хилое тело, подвергнутое нервному напряжению, сразу же даст шизоидный комплекс психики. (715)

Кристаллы – форма устойчивого существования вещества – требуют для своего образования добавочной энергии в отличие от аморфных веществ. Эта добавочная энергия даёт им возможность противостоять внешним воздействиям своей организованной решёткой, твёрдыми углами и полированными гранями. Разрушение кристалла обязательно требует большой энергии. Так и психика человека, тренированного и сильного, имеет большую стойкость в отношении как внешних раздражителей, так и внутренних конфликтов. А человек с недостаточно сильной психикой легко поддаётся внешнему давлению, панике, общественным психозам и вообще морально неустойчив. Жидковат, как это можно было бы сказать по-русски. (716)

В отличие от тела человека психика, не воспитанная или не развитая с детства, легко поддаётся невзгодам существования или вообще вредным влияниям, потому что наше сознание формируется условиями жизни не в меньшей степени, чем наследственностью, и поэтому-то психика и более хрупка. (717)

Очень тонкая это вещь – психика! Можно десять лет знать человека и не подозревать, что вы имеете дело с шизофреником или параноиком, как вдруг какое-нибудь потрясение, легко переносимое абсолютно здоровым человеком, превратит старого знакомого в маньяка или убийцу, тем более опасного, что ему вполне может быть доверена важная деятельность. (718)

Идеально здоровый человек не испытывает потребности сморкаться или плевать и обладает лишь слабым собственным запахом. (719)

В процессе эволюции человек подвергался суровым испытаниям и вышел из них победителем. Но вторая, обратная, сторона этой победы в том, что его организм рассчитан на испытания и большие нагрузки. Он нуждается в них, и если мы не будем заставлять его работать, даже когда это не требуется городской жизнью, а также не будем устанавливать ему периодами ограничение в пище, неизбежны неполадки и прямые заболевания. (720)

Мы слишком носимся с опасениями перегрузить мозг. Пустое, мозг способен усвоить непомерно больше того, что мы ему даём. Надо только уметь учить, а ёмкость мозга такова, что он вместит невероятное количество знаний. (721)

Следует усвоить, что можно и надо подвергать и весь организм перегрузкам страшной работой, но только делать потом долгие отдыхи. Так мы устроены, такими мы получились в длительной эволюции, и с этим нельзя не считаться. (722)

Человек создан с большим запасом прочности и способен на очень высокие перегрузки. В дикости он жил как зрелый индивид всего несколько лет, отдавая все силы. Как отражение приспособленности к прошлой жизни – наше стремление к интенсивности переживаний, к полноте ощущений, ныне существующей лишь в книгах, фильмах, в науке и на войне. (723)

Кто лечит, тот – не доктор, а врач. Доктор – этот тот, кто имеет степень доктора медицины. По старинке врачей зовут докторами, когда заболевают, из заискивания, перешедшего в обычай. (724)

За едой наш культурный человек столь же дик, как его пещерный предок. Множество суеверий, мнимо научных теорий

затуманило умы. Будто пища даёт здоровье, стройность, красоту без всякого участия самого человека. (725)

Некогда вино вдохновляло поэтов, а теперь обесмыслившиеся от него до скотского состояния мужчины избивают детей и женщин. (726)

Настоящие люди пьют изредка, но как следует после какой-либо серьёзной встряски, а щёлканье рюмками по всяким пустякам к добру не приводит. (727)

Физическое совершенство, здоровье и сила и есть красота. Всякое развитие в этом направлении, если оно не узко, а многосторонне, неминуемо ведёт к украшению человека. Не надо опасаться трудных условий жизни – если они не чрезмерны, с достаточным питанием и здоровой обстановкой, то они служат выковыванию красивого и здорового человека. (728)

На грани между суровыми и благоприятными условиями вырабатывается физическое совершенство. Подобно этому, совершенство психическое находится на грани между противоположными действиями и побуждениями – это психическая уравновешенность. (729)

Нормальная, благородная психика всегда будет избирать и чувствовать тот верный путь, что необходим в обществе высшего типа, которое не может состоять ни из фанатиков, ни из обывателей. Работать, но так, чтобы не забывать о всех других своих обязанностях как гражданина, воспитателя детей и самого себя. (730)

Общество очень сложный организм, и при коммунизме оно будет состоять из всесторонне развитых, многогранных людей – отсюда обязательная многосторонность психики. (731)

Без разносторонних интересов человек быстро делается равнодушным ко всему эгоистом. (732)

Чем выше социальная структура и наука, тем позднее созревает человек. (733)

Огромны, почти невероятны возможности человека как в духовном, так и физическом отношении, и нет никаких оснований

печалиться о его будущем, если мы сумеем сохранить и развить
равновесие нашей психики и телесной силы! (734)

Чтение Двадцать Восьмое

ДЕТСТВО И ЗРЕЛОСТЬ, ЮНОСТЬ И СТАРОСТЬ

Память, особенно когда дело идёт о давно прошедшем, вещь очень коварная. Ведь мы запоминаем преимущественно хорошее, яркое, сильное, а длинные куски незначущей жизни тонут в одинаковой череде дней. (735)

Всегда и везде с осторожностью относитесь к воспоминаниям людей старшего поколения. Они вовсе не думают обманывать себя и других, но сами видят вместо прошедшей жизни мираж отобранных памятью ощущений и образов, окрашенных вдобавок тоскливым сожалением о днях выносливой и здоровой молодости, быстро отдыхающей, крепко спящей. И полагающей, что так будет всегда, что естественный конец всего живого её или не касается, или скрыт в неведомой дали. В общем, получается, как в литературном произведении. Жизнь как будто и настоящая, реальная, но в то же время концентрированная – большие переживания и впечатления заслоняют собой медленные тоскливые дни с их мелкими разочарованиями. (736)

Человек вспоминает не действительность прошлого, а некий экстракт самого лучшего, красивого и милого сердцу. (737)

Молодёжь находит безмерно скучным всякую попытку понять старших, не умея уловить в сохранившихся обрывках жизни своих ушедших, как они их называют, «предков» главные думы, мечты, ожидания и радости. Только после тяжёлых потрясений вы приходите к следам нашей жизни чуткими и просветлёнными. Тогда раскрываются перед вами мать или отец совсем другие, и оказывается, вы их совсем не знали. Если это были хорошие люди, то пережитое из далёкого прошлого оказывается сильной поддержкой. (738)

Все очень молодые люди не понимают, сталкиваясь с противоречиями жизни, что они – сама жизнь, что радость любви обязательно приносит тревоги, заботы и горе, тем более сильные, чем сильнее любовь. (739)

Юные люди, стремясь к высокому положению, не знают о цене, которую заплатят. Не подозревают, что молодость кончается и придёт время, когда они готовы будут отдать всё приобретённое, чтобы вернуть счастливые часы их внешне простой, а душевно глубокой жизни и переживания юности! (740)

Ожидание чего-то неопределённого, но очень хорошего редко для пожилого человека и обычно для юноши. Ожидание это часто прилетает с весенним ветром, запахом дыма и морозной ночи, манит лунными бликами на широкой реке, шелестит в жёстких травах степей. (741)

Чем отличаются дети от взрослых? Они думают, что мир устроен для них и что это всегда так и будет. Чем отличаются молодые от пожилых и старых? Они уже знают жизнь, но думают, что у них, у каждого всё будем поиному. Законы жизненной игры касаются кого-то другого, а не их. И многие тоже, как дети, думают, что всегда останется, как оно было, поняв, но в душе-то ещё не приняв, что жизнь – это неизбежное изменение, даже тогда, когда оно идёт незаметно. (742)

Чем старше становишься, тем больше наматывается разной чепухи, а силы уже не те. Невпроворот работы, мелких делишек, к настоящему делу не подойти. Мышиная возня! (743)

Паутина однообразных ежедневных занятий плетётся годами, цепко опутывая мозг. Мысль не взлетает более, далеко простирая свои могучие крылья. Подобно лошади под тяжким грузом, она переступает уверенно, медленно и понуро. (744)

За длительное самоограничение, за нарочитое сужение круга интересов человек расплачивается отсутствием силы и смелости мысли. Самоограничение, давая возможность большей концентрации мысли, в то же время как бы запирает человека наглухо в тёмную комнату, отделяя от многообразного и широкого мира. (745)

Вообще мы много думаем о старости, о том, что будет с нами на склоне лет, и от этого стареем смолоду! (746)

Юность – привилегия не только возраста. Она в крепости и плотности тканей тела. Особенно важна плотная и гладкая кожа. Всё это показатели отличного физического состояния превосходно

отрегулированного организма, который вполне может сохраниться до старости удивительно молодым. (747)

Чем старше становишься, тем больше печали приходит от понимания жизни в неотвратимом её течении. (748)

Это признаки надвигающейся старости, когда нет больше грёз о грядущем, печали о несбывшемся и желания нового поворота жизни. (749)

Люди пожилые готовы, даже бессознательно, к тому, что всякая радость в любой момент может обернуться бедой и беда – радостью. Поэтому они без напоминаний судьбы стараются наточить нож или положить в карман лекарство. (750)

В старости человек любит бесправной любовью уходящих надежд и угасающего тела. (751)

Чтение Двадцать Девятое

БРЕМЯ ЧЕЛОВЕКА ВЕДЁТ К СВОБОДЕ

Верить можно во всё, что угодно, но вера становится религией только тогда, когда сплетается с правилами жизни, оценкой поступков, мудростью поведения, взглядом, устремлённым в будущее. (752)

Вера – душа народа, из неё исходят обычаи, законы и поведение людей. (753)

Дикие жертвы диким богам приносят убийцы. Здесь поклоняются зверям. Что ждать от народа, боги которого ещё не стали людьми? (754)

Боги возвышаются вместе с человеком, ибо человек изыскивает богов в себе. (755)

Только на низшем уровне веры люди нуждаются в кровавых жертвах, умиливляя богов и судьбу потому, что ставят своих богов на один уровень с собою или даже хищными зверями. Это наследие тёмных времён, это обычай диких охотников. (756)

Чем нелепее вера, тем больше цепляются за неё непросвещённые люди, тем темнее их душа, тем они фанатичнее. (757)

Только в начале своего возникновения любая религия живёт и властвует над людьми, включая самых умных и сильных. Потом вместо веры происходит толкование, вместо праведной жизни – обряды, и всё кончается лицемерием жрецов в их борьбе за сытую и почётную жизнь. (758)

Кастовая система, изобретённая с целью, так сказать, выведения пород людей разного общественного назначения, уже тысячи лет назад не оправдала себя, а в отношении своей прямой цели – улучшения людей – полностью провалилась. Парии часто красивее и умнее людей высших каст. Трудные условия их жизни

сделали их такими, в то время как брахманы во многом отупели и закоснели. Такова диалектика жизни. (759)

Духовная будущность человека находится в его руках, а не подчинена всецело богам и судьбе. На этом пути нельзя делать уступок, отступлений, иначе, подобно глотку воды из Леты, ты выпьешь отраву зла, зависти и жадности, которые бросят тебя в дальние бездны Эреба. (760)

Тысячи мнимых пророков обманывали тысячи царей, уверенные в истинности своих жалких знаний. (761)

Те, кто проповедует ложные знания, не ведая истины, приносят страшные бедствия, если им следуют могущественные завоеватели и цари. (762)

Понятие о первородном грехе, издревле обрушенное на женщину, должно быть перенесено на неладную конструкцию мира и жизни, и, если бы был создатель всего сущего, тогда это – его грех. Ибо мыслящему существу нельзя было не подумать об облегчении страдания, а не увеличении его, какая бы цель ни ставилась, потому что все цели – ничто перед миллиардом лет страдания. (763)

Идея первобытного рая, пронизывающая все наши мечты, религию и даже более серьёзные научные изыскания, она, эта идея, и есть та первичная ошибка, которую сделал человек когда-то в своей религии и философии и за которую он упорно продолжает цепляться. (764)

Никогда никакого рая не было, всегда была трудная и жестокая борьба, где умирали слабые и выживали сильные, потому что в мире ничего не даётся и никогда не давалось даром. (765)

Человек, знающий из палеонтологии свою историю, тяжкое восхождение к мыслящему существу через миллиарды лет бессмысленного страдания живого, должен чувствовать огромную ответственность за свою судьбу. (766)

Бог, занятый всеми людскими делами и похожий на человека, – лишь воображение людей, не слишком глубоких в фантазии. (767)

Детство человечества – это склоняться перед тем, что люди зовут высшими силами. Неужели нельзя понять, что поставивший эксперимент не участвует в процессе, ему важен только результат, по которому он судит об успехе. Тем самым он не может ни на мгновение стать наравне с теми, кто страдает и гибнет в жестоком процессе. Потому он нацело лишён права судить, стоит ли игра свеч. Только мы, дети человечества, можем понять, оценить и решить, правильно ли происходит процесс. Мне кажется, что неправильно, и мы его или исправим, или погибнем! (768)

Бремя человека, свободного и бесстрашного, велико и печально. И если он не стремится взвалить его на бога или мифического героя, а несёт его сам, он становится истинно богоравным, достойным неба и звёзд! (769)

Истина и добро светят, как факелы, освещая дорогу блуждающим впотьмах. Но ведь можно с факелом войти в склад горячего масла, которое вспыхивает от малейшей искры! Остерегись говорить высшие истины верующим всех видов, детски наивным, и яростным фанатикам. (770)

Не следует много рассуждать о знании богов и людей, ибо молчание есть истинный язык мудрости. Открытые сердца это хорошо понимают. Тем более не мудро говорить истины людям, предпочитающим чудеса и достижения кратчайшими путями, которых нет, а есть лишь постепенное восхождение. (771)

У каждой веры есть свои слабости. Бить по ним уместно разве в публичном диспуте, а не в мирной беседе. (772)

Чтение Тридцатое

ВЫСШИЙ МИР НЕ НАВЕРХУ, А РЯДОМ

Цивилизация – это передача от одного поколения другому всего культурного наследия. (773)

Ноосфера – это сумма коллективных достижений человечества в духовной области, мысли и искусстве. Она обнимает всех людей океаном, формирующим все представления о мире, и надо ли говорить, как важно, чтобы воды этого океана оставались чистыми и прозрачными? Все усилия людей творческих должны быть направлены сюда, и нужно не только создавать новое, но и не позволять пачкать прежнее, вот ещё одна громадная задача на пользу всему миру. (774)

Общество лишь тогда будет нормально развиваться и существовать, когда нормально развивается ноосфера. Всякая, даже кратковременная, остановка в пути угрожает гибелью, потому что означает застой в духовной жизни, застой более тяжёлый, чем материальный. (775)

Аналитическое исследование внешнего мира западной наукой можно сочетать с интравертированным синтезом йоги лишь диалектически. Отдельные люди в прошлом и настоящем обладали подобным умением, но ещё нет даже признаков распространения синтеза мудрости Запада и Востока. (776)

Наука стала религией Запада, но есть ещё многое в человеке, чего она не знает и не может ответить на все запросы его души. Но горе ей, если наука не оправдает гигантских надежд, на неё возлагаемых, тогда европейская мысль потерпит полнейший моральный крах. (777)

Западные люди сами начали понимать, что отказ от природы ведёт их цивилизацию к большой опасности. Будучи сам частью природы, человек тщательно разрушает её вокруг себя, оголяя места своего обитания и создавая идеальные условия для заболеваний. (778)

Погружённые в заботу об изготовлении великого множества вещей, идущие путём нарастания технического могущества в ущерб заботе о совершенствовании человека, европейцы сочли наивными восточные изыскания в области психологии. (779)

Индийцам больше повезло, чем христианам-европейцам. Их мудрецы удалялись для размышления в прохладные леса и особенно в чудесный мир Гималайских гор. Там, созерцая холодное сверкание чистейших снегов, вознесённые в небо ледяные высочайшие пики, в отрешённой от земных страстей стране голого камня и глубокого ясного неба, их мудрецы подвергали мир бесстрастному и глубокому анализу. Вот что позволило им вскрыть двустороннюю сущность вселенной, поставить человека на её престоле наравне с богом, создать самую холодную и, если так можно сказать, безбожную религию, которую лишь впоследствии для народа одели в маску обрядов и образов. (780)

А основатели христианской церкви и религиозной философии уходили в пустыни Аравии и Северной Африки. Здесь, палимые нещадным зноем, в жарком мареве раскалённого воздуха, в котором даже звёзды вечного небосвода качаются как в бреду, они подвергались ужасным галлюцинациям. Мозг, распалённый неистовым солнцем, усиливающим желания подавляемой плоти, породил всю безумную и человеконенавистническую концепцию злобного карающего бога, ада, дьявольского начала в женщине, потрясающих картин страшного суда и конца мира, ужасных козней сатаны. (781)

Характерно, что это начали древнееврейские пророки, также отшельничавшие в раскалённых пустынях, а христианские подвижники продолжили и развили ту же самую философскую линию. Накопление отрицательного опыта жизни под всегдашним психическим давлением божьей кары и греха породило великое множество параноидальных психозов, принимавшихся за божественные откровения. С этим грузом мы, европейцы, пришли к средневековью, в оппозиции ко всему природному, к естественному началу в человеке, к красоте и простору мира. (782)

Высыхают реки и скудеют поля, потому что леса исчезают, превращённые в бумагу для бесчисленных газет, изливающих целый океан беззастенчивой лжи. Подобные псам из священной книги христиан, газеты всё время возвращаются на извергнутое ими же,

снова и снова пуская в человеческие массы ложь или чепуху, раздутую до невообразимых размеров. (783)

Теперь ещё одно изобретение западной науки уже не словами, а картинками, химерическими и вредными выдумками заполняет досуг людей, приковывая их к гипнотизирующим экранам внутри душных и тесных домов. Досуг, который мог бы быть отдан полезному совершенствованию и подлинно прекрасному. (784)

Человек сокрушил вокруг себя куда больше прекрасного, чем собрал в своих музеях и картинных галереях. Самое же гнусное, что он пытается подчинить основные законы биологии временным законам рынка. (785)

Красота и многообразие нашей Земли, её людей, природы, искусства, героических подвигов остаются в подавляющем множестве случаев неизвестны среднему человеку, серому не душой, а своим паразитическим невежеством, в узкой и монотонной жизни. (786)

Ещё хуже, когда в определённых целях нарочито скрывают широту огромного мира, направляют внимание на мелкие, якобы важные споры, на пустяковые вопросы, на мнимых врагов. Или восхваляют именно за невежество и узкое самоограничение в знании. Всё это опустошает, озлобляет человека, делает духовно нищим, не видящим путей к чему-то большому и интересному. (787)

Большинство людей не понимает, что великое многообразие и красочность мира будут служить им крепчайшей душевной поддержкой на протяжении всей жизни. А те, кто крадёт у них время и возможность познания мира, – поистине тигры-людоеды. (788)

Всё больше становится у нас людей в тёмных очках, скрывающих самое прекрасное в человеке – его глаза, боящихся правдивого взгляда, честно отражающего чувства. (789)

Вот западная цивилизация, расползающаяся по всему миру, как болезнь. Что может сделать с ней йог, вооружённый лишь силами собственной души? (790)

Даже то, что Запад берёт у индийцев, претерпевает чудовищное опошление. Мнимые йоги сулят быстрое возвышение и могущество – за деньги, конечно, – обманывая легковых,

жаждущих чуда и неспособных к громадному труду истинной йоги. (791)

Жажда знаний должна заменить жажду поклонения. (792)

Человек — это единственная сила в космосе, могущая действовать разумно и, преодолевая самые чудовищные препятствия, идти к целесообразному и всестороннему переустройству мира, т.е. к красоте осмысленной и могучей жизни, полной щедрых и ярких чувств. (793)

Одному лишь человеку дано понимать не только красоту, но и трудные, тёмные стороны жизни, и одному лишь ему доступна мечта и сила сделать жизнь лучше! (794)

Высший мир мы называем так не потому, что он находится где-то наверху, а обозначая его качество по сравнению с окружающим. (795)

Испокон веков все тираны больше всего ненавидели людей, самовольно уходящих из-под их власти над жизнью и смертью. (796)

Человек, сделавшись владыкой собственной смерти, освобождается от страха перед жизнью. (797)

Смерть страшна и заставляет цепляться за жизнь лишь тогда, когда жизнь прошла в замкнутости и тоскливом ожидании непржитых радостей. (798)

Когда что-нибудь бывает особенно хорошо, кажется, что можно тут же умереть. И пусть, и не страшно! Это чувство ясной и близкой смерти появляется в моменты наивысших душевных подъёмов. Наше подсознательное предупреждает нас, что мы стоим на краю и перетянутая струна жизни вот-вот готова лопнуть. Интересно, что абсолютно отсутствует всякий страх смерти. Вместо него приходит чувство единения со всем миром, чистоты и прозрения. Не только нет страха смерти, но может исчезнуть чувство боли. (799)

Человек как организм, биологическая машина приспособлен к тому, чтобы время от времени переносить громадные напряжения всех сил. На это рассчитана и психика, и потому такие мгновения

приносят ни с чем не сравнимую радость. Они неизбежно редки, потому что не могут быть долгими, да и обстановка, их вызывающая, всегда чрезвычайна и во многих случаях заканчивается смертью. (800)

Высочайшее напряжение всех сил всегда приводило к таким выдающимся достижениям, в чём бы они не заключались, что они считались ниспосланными свыше, милостью богов. На деле же эти дары были по праву добыты человеком, сумевшим отдать всего себя для этого. Разве не прекрасно, что содеянное человеком кажется божественным и скрытые в нём силы настолько велики, что почитаются как милость богов? (801)

Есть только один настоящий путь в космос – от избытка сил, с устроенной планеты на поиски братьев по разуму и культуре. А для этого человек должен обеими ногами крепко стоять на Земле, переделывая её радостным трудом и становясь всё богаче и крепче духовно. Чтобы быть способным к титаническим усилиям, какие потребуются для реального покорения межзвёздных пространств. (802)

Помни, что мысли добрые и злые, гнусные и чистые имеют свою собственную жизнь и назначение. Раз рождённые, они вливаются в общий поток действий, определяющих карму – твою собственную, других людей, даже всего народа. Поэтому держи их крепко, не давай цвести недостойным думам. Прощай! (803)